

The background is a richly detailed painting of an ancient city street. A large, domed building with a crescent moon on its roof is the central focus. To its right, a tall minaret is under construction, with wooden scaffolding visible. The street is filled with people in traditional attire, including headscarves and robes. The scene is set against a dramatic, cloudy sky.

Василий Лягоскин

*Злое дыхание
древней
гробницы*

*Свет далекой звезды:
история вторая*

Василий Лягоскин

Злое дыхание древней гробницы

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Злое дыхание древней гробницы / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747463-8

Мир выжил — вопреки желанию и злым чарам колдуна Узоха. А победителю, молодому охотнику Свету, нужно спешить назад, через полмира — на выручку любимой женщины и сына. Оказалось, что Зло невозможно победить одним ударом меча, даже волшебного. Кто поможет Свету в новой битве? Может, земляне, которые оказались в чужом мире не по собственному желанию? Нет — им самим сразу потребовалась помощь...

ISBN 978-5-44-747463-8

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Черный монолит	6
Глава 2. Пробуждение	12
Глава 3. Терра инкогнита	17
Глава 4. Замок барона Гардена	23
Глава 5. Волшебная сила электрического тока	29
Глава 6. На просторах Караханы	33
Глава 7. На просторах Караханы. Продолжение	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Злое дыхание древней гробницы
Свет далекой звезды: история вторая
Василий Иванович Лягошкин

© Василий Иванович Лягошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Черный монолит

След мелких копыт на плотной каменистой земле отвлек охотника от необходимости сделать нелегкий выбор. Это был первый след живого существа, увиденный Светом и Волком с тех пор, как они отправились в сторону Великого океана – назад, домой.

Убедившись, что Узох – могущественный и жестокосердный чародей – исчез в пастях пустынных могильщиков, молодой охотник спустился с громадного песчаного холма, выросшего на месте черного замка и понял, что неведомое прежде чувство подсказывает ему, куда держать путь. А ведь в обозримом пространстве не было ни одного ориентира – только песок, который уже замел следы исчезнувших быстрее ветра адептов колдуна. Это чувство вело его к месту, где он впервые ступил на землю Черного континента.

От этого холма до океана с равным успехом можно было добраться в любом направлении, но лишь в одном его ждал небольшой корабль – лишенная единственной мачты «Заря».

Навстречу охотнику и его неумолимому псу протянула огромный язык каменистая полупустыня. Поэтому победители чародея только два дня утопали ногами в песке. А немилосердное солнце сопровождало их и сейчас – когда ноги и лапы бодро застучали по камню. Свет, защищенный от зноя доспехами предка, машинально перебирал ногами. Его уже третий день снедало неприятное чувство неуверенности – раньше никогда его не мучавшее. В первый момент, когда его озарило неожиданное открытие, его плечи, да и все тело поникли под тяжким грузом – энергия Узоха, его злая сила и все заклинания, освобожденные мечом Владимежа, нашли нового хозяина. И этим хозяином стал Свет! Он не был уверен – смог бы освободиться от этой силы, даже если бы очень захотел этого.

Другой вопрос – желал ли охотник воспользоваться этой силой; ведь для воплощения некоторых заклятий требовалось провести столь отвратительные обряды, что Свет чуть ли не с благодарностью вспомнил, что уже третьи сутки ничего не ел. Он поспешил загнать такие подробности жизни поверженного чародея в глубины памяти, а сам принялся рассматривать со всех сторон главную тайну Узоха – конечно в мыслях. Короткий, в три десятка слов, текст даровал произнесшему его существу бессмертие и неуязвимость. По крайней мере Узох в это верил.

Свет усмехнулся, вспомнив бесславный конец Повелителя.

– Нет, – подумал он, – сначала нужно узнать, что означают эти слова, а потом решать – становится бессмертным, или нет. Ну... или уж если совсем прижмет...

Он спрятал древний текст еще глубже, чем все остальные и вспомнил слова учителя Ли:

– Сила, – говорил мастер Дао, – не может быть злой или доброй. Такой ее делает человек.

В этот момент Свет и увидел перед собой след дичи, оглядев окрестности опытным взглядом охотника. Впереди узкой полосой тянулся мертвый лес. Корявые высохшие деревья обступили огромное, сверкающее на солнце пространство. До него оставалось не больше сотни шагов и скоро охотник решил попробовать белый порошок, который он соскреб с идеально ровной поверхности.

– Соль, – выплюнул он тут же, только теперь поняв, что перед ним – застывший след соленого моря, или озера.

Оно сотни лет испарялось под жаркими лучами солнца, и теперь превратилось в идеальный зеркальный каток, который манил всех животных за многие переходы вокруг. А внутри толстого слоя соли что-то таинственно мерцало, и охотник понял, что соленое море не умерло до конца; что при большом желании можно добраться до воды. Только кому это надо?

Ему стало понятно, почему с каждым шагом следов зверей становилось все больше и больше – их гнал сюда соляной голод! Среди глубоких вмятин, оставленных острыми копытами, Свет разглядел отметины, которые оставили подушки лап громадного хищника, воору-

женного длинными когтями. Судя по величине этих следов, зверь этот был не меньше тигров, с которыми охотнику уже приходилось встречаться. И этот четвероногий охотник появляется здесь неспроста – охотник как в книге читал следы прошедших облав, засад, и стремительных погонь. Иногда эти погони, судя по побуревшим пятнам на белых камнях и разгрызенным острыми зубами костям, заканчивались успешно.

– А теперь, – без всякого самодовольства усмехнулся молодой охотник, – у хищников появился конкурент. И лучше бы им дожидаться, пока он не уйдет отсюда.

Свет уже не удивлялся, когда говорил о себе как о постороннем – долгое путешествие в одиночестве и не такому научит.

– Охота, Волк! Хочешь поохотиться, – воскликнул Свет, снимая доспехи предка.

Они на удивление хорошо помогали перенести моментально установившуюся в центре Караханы жару и жажду. Огромный пес, которому переход через пустыню дался неизмеримо тяжелее, оскалился в страшной улыбке, когда услышал знакомое слово. Свет, не успев снять кольчугу с рук, замер. Высоко-высоко в небесах – там, где не летают даже орлы – стремительно перемещалась серебристая точка. Кольчуга в руках тонко звякнула, словно тоже отреагировала на небывалое событие.

До ушей Света и Волка донесся чуть слышный гул, или рев – ни одно животное в подлунном мире не могло издать подобного звука. Проводив взглядом необычную птицу, скрывающуюся за горизонтом в считанные мгновенья, Свет пожал плечами, и снова склонился над следами, обещавшими желанную добычу.

Ждать появления дичи пришлось долго. Видно непонятный грохот с неба услышали не только охотники. Прошло почти два часа, как Свет с Волком укрылись в засаде – за огромным стволом упавшего, давно высохшего дерева. Стрела уже была наложена на тетиву; ни одно движение не должно было спугнуть добычу. Наконец она появилась – небольшое стадо некрупных копытных животных. Впереди гордо вышагивал вожак. Он словно на выставке нес свое грациозное тело, осторожно переступая точеными копытцами. Но самым необычным в его облике были рога – огромные, закрученные спиралью.

Свет успел подивиться такому капризу природы, абсолютно непрактичному. Такими рогами противника не поразишь – сил не хватит. Единственно, для чего они могли понадобиться некрупному самцу – покрасоваться перед своим гаремом, в котором сейчас насчитывалось почти десяток самочек. Это любование до добра не привело – на землю опять обрушился небесный гром – точная копия первого. Но Свет был уверен – эта серебристая птица была другой; и она летела по следу первой! Он опустил глаза вниз, чтобы удостовериться, что рогатый самец и его подружки сзади не менее грациозны.

– Ну что ж, – подумал он, устраиваясь поудобнее, – терпения нам с Волком не занимать. Не будут же эти «птички» летать тут постоянно.

Слать кому-то проклятия было не в правилах охотника. На всякий случай он изменил план охоты. Волк по широкой дуге – чтобы не спугнуть своим запахом добычу – направился в другую засаду, чтобы гнать это, или любое другое стадо к охотнику. Даже если сверкающая птица появится здесь в третий раз.

– Пожалуй, я скоро стану прорицателем, как тетушка Зохра – улыбнулся он через два часа, провожая взглядом очередную птицу.

– Это вернулась первая, – понял он.

Теперь громкий звук, обрушившийся на землю с небес, охоте не помешал. В дело вовремя вступил пес, и две самочки, высоко подпрыгнув напоследок, растянулись на каменистой почве. Грациозного вожака Свет пожалел; точнее, оставил на племя. Он аккуратно вырезал из каждой туши по единственной стреле, которые были выпущены почти одновременно, и принялся разделывать антилоп. Как бы не был он голоден, есть сырое мясо не собирался.

Волк неторопливо утолял голод, а Свет, грустно улыбнувшись, все таки воспользовался знаниями Узоха.

Давным-давно поверженный Повелитель видел такой способ приготовления мяса – без всяких кухонных принадлежностей. Нежное мясо антилоп почти полностью поместилось в их собственных желудках, отскобленных дочиста. Мясо было переложено тонкими слоями жира, который скоро должен был пропитать все вокруг себя. Два набитых бурдюка еле поместились в небольшую ямку в песке. Этот песчаный пяточок Свет едва отыскал в камнях. С солью проблем не было, хотя сейчас охотник съел бы целую антилопу без всяких приправ.

Песок тут же закрыл бурдюки, и сверху легли в несколько слоев дрова. Свет еще раз усмехнулся и направил в сторону готового принять сушняка палец. Он едва слышно бросил в пространство три слова, и на будущий костер обрушилась струя пламени. Свет с удивлением, хотя и ожидал такого эффекта, уставился на палец. Даже подул на него. А потом бросился поправлять костер. Дрова негромко затрещали, а охотник направился к вершине небольшого холма, где уже занял наблюдательную позицию объевшийся Волк. Теперь костер сам должен был закончить приготовление обеда. А заодно и завтрака, и вчерашнего ужина...

Он уже достиг вершины холма, и даже опустил было мешок с доспехами рядом с псом, когда волна невидимой враждебной силы заполнила его. Чувствуя, как она – несмотря на ожесточенное сопротивление – все глубже проникает в голову, Свет из последних сил вытянул из мешка спасительный шлем...

Профессор Такамура родился в семнадцатом году. Одна тысяча семнадцатом – в год русской революции. В этом не было бы ничего удивительно – в один год с ним появились на свет миллионы младенцев – если бы бортовой комп «Стрелки» не отсчитывал сейчас последние часы июля две тысячи двести сорок девятого года. Его имя и облик в этом году стали известны каждому гражданину Земной федерации. Однако о том, что ему исполнилось триста тридцать два года, никто не подозревал. Проблему активного долголетия земляне уже решили, но с бессмертием еще не сталкивались. Официально самому старому человеку на планете и ее обитаемых спутниках было сто шестьдесят пять. И звали его не Такамура.

На вид этому низенькому японцу было не больше сорока. На этот же возраст указывали его документы. Такамура и сам не мог бы сразу сказать, сколько раз он менял паспорт. Но об этом, а главное – о секрете вечной жизни он бы не рассказал даже под страхом смерти. Умирать, кстати, он не собирался...

Все началось в сорок втором году, в самый разгар второй мировой войны. Молодой майор Акира Такамура во главе небольшого отряда оккупационных войск высадился на безымянном острове Океании. Остров был обитаемым с незапамятных времен, но тогда на нем царили законы страны Восходящего солнца. Прежний комендант уезжал на родину со счастливым выражением лица. Трофеев он с собой не увозил; считал что главное, что уезжало с ним на корабле – его собственная жизнь.

Уже отпустив прощальный церемониальный поклон, он произнес несколько загадочных слов:

– Майор, не ходите в Долину затерянных душ!

Он повернулся и поспешил на корабль, не подозревая, что посеял в душе Такамуры нестерпимое любопытство. Страх был неведом молодому майору – иначе он не получил бы столь высокий чин в двадцать пять лет. А осторожностью не пренебрегал. Еще майора отличала жестокость.

К вечеру того же дня майор знал о Долине затерянных душ все, что только можно было узнать в гарнизоне. История действительно была загадочной. Небольшую долину, укрывшуюся в горах в самом центре острова, команда, посланная прежним комендантом, обшарила вдоль и поперек. Солдаты никого и ничего не нашли. В том числе следов своих сослуживцев, кото-

рые осмелились пробраться в эту долину в одиночку. Шесть опытных воина – все с боевым опытом и наградами – пропали уже давно, больше полугода назад. А поисковая экспедиция, так и не обнаружившая их, стала единственной.

Аборигены – их на острове было не больше сотни – лишь испуганно молчали, стараясь не поворачиваться лицом в сторону Долины. Впрочем, они молчали лишь до тех пор, пока не попали в руки Такамуры. У старого коменданта вряд ли был такой опыт ведения допросов. Переводчик с языка аборигенов, повидавший в своей жизни многое, с ужасом глядел, как люди на его глазах превращаются в окровавленные куски мяса. Он машинально переводил ответы несчастных аборигенов; единственной тайной, которую смог вырвать майор, была легенда о Человеке-без-имени. Человеке, который живет в Долине сотни лет, и требует от народа островитян сущую ерунду – одну человеческую жертву в год. Если жертву не приносили, исчезали сразу несколько аборигенов.

Это была возможность чуда, и майор эту возможность не упустил. Он, ко всему прочему, не был трусом. И мог поставить на кон собственную жизнь. Выучив при помощи поседевшего переводчика несколько слов местного языка, он в одиночку отправился в Долину. И вернулся – тоже один. О том, что с ним вернулась тайна Человека-без-имени, он конечно никому не сказал. А тайна эта была тайной искусственного долголетия, практически бессмертия.

Все просто – принесенная в жертву чужая жизнь, и твоя собственная удлиняется на год. Просто было во время войны, и первые послевоенные годы, когда пропажа одного человека не была трагедией. Потом полковник в отставке Такамура (на удивление молодежавый) умер, а на свет появился Такамура-медик. Молодой и талантливый хирург. Люди в его руках буквально выкарабкивались с того света. Но не все. Раз в год и это светило медицины постигала неудача...

Годы летели; менялось место жительства и профессия; документы и привычки. Неизменными оставались только одиночество и принявшая чудовищную форму боязнь смерти. По-прежнему один раз в год мучительную смерть принимала жертва; каждый раз в тело престарелого японца словно вливался эликсир молодости. До тех пор, пока его жизненный путь не пересекся с безвестным любителем микросъемки. Летающий шпион залетел однажды в закрытый подвал, и изобретатель с ужасом стал наблюдать на экране, как известный в стране человек кромсает на куски живого человека. Эти кадры тут же стали достоянием полиции; а еще раньше – мировых социальных сетей.

Такамуру даже не надо было вычислять. Его лицо – лицо мастера боевых искусств, чемпиона многих первенств, в Японии было известно каждому. А теперь его слава стала общемировой. Суд принял микроплёнку как доказательство, и повинный в совершении ритуального убийства отправился в пожизненное заключение. Отправился, но не доехал. Потому что ни судьи, ни полиция не знали, что в прежней жизни Такамура был профессором, уникальным специалистом в области гипноза. Приговор он принял со склоненной головой, так что никто не смог увидеть, как издевательски усмехнулся преступник, услышав последнее слово судьи.

Никто так и не узнал, как Такамура оказался в рубке космолета «Стрелка» – вдвоем с его командиром Анатолием Лазаренко...

Теперь, когда двенадцатый ноль-прыжок принес их к четвертой планете безымянной звездной системы, лицо профессора расплылось в довольной улыбке. Методом тыка он с первой попытки попал в десятку, открыв обитаемый мир. Обитаемый и разумный. Его сейчас не волновали чувства миллиардов людей, не первый век ожидавших вестей о братьях по разуму.

– Нет, – думал он, – это моя планета! Я буду властвовать на ней!

Такамура снова прильнул взглядом к экрану, увеличивая изображение. Проплывавшую под ними пустыню сменила чахлая растительность каменистой полупустыни. На солнце сверк-

нуло огромное пятно, рядом с которым профессор увидел первого жителя планеты. Рука Такамуры непроизвольно утопила до отказа клавишу, и на экране выросло устремленное к нему лицо человека. Да – это был человек! И у него были славянские черты лица, светлые волосы, собранные в хвост и пронзительные голубые глаза, которые вдруг заглянули в душу профессора. По крайней мере японцу так показалось. А еще он почему-то уверился, что этот человек внизу видит сейчас самую суть профессора – длинную вереницу замученных им жертв, и теперешние мечты о мировом господстве. Спокойный взгляд снизу словно показал ему – этого не будет.

И рука Такамуры сама отпустила клавишу; абориген остался далеко позади, а профессор зябко повел плечами, натягивая ткань космокостюма – чтобы «умная» ткань поскорее впитала холодный пот. Он готов был обрушиться вниз, на этого опасного человека море огня – возможности «Стрелки» позволяли. Но под рукой не было нужной кнопки, да и внизу были другие земли, и другие люди. Его люди! К великому изумлению – сплошь чернокожие.

Профессор на всякий случай узнал у командира, как управлять грозным оружием космолета, и снова уселся перед экраном. Он решил сделать полный виток вокруг планеты, чтобы выбрать место, как можно лучше подходящее его планам. Место, откуда начнет победную поступь его воинство. Словно в калейдоскопе мелькали реки и озера; невысокие горы и длинная полоса лесов – перед тем, как космолет вырвался на просторы океана. Здесь Такамура, машинально отметив слишком малое количество кораблей, жавшихся к берегу, велел Лазаренко поднять корабль повыше и прибавить скорости.

«Стрелка» рванулась вперед. Тонкой линией мелькнул длинный риф, разделивший океан пополам. Потом промчались какие-то острова, и наконец показалась земля. Здесь местность была на удивление пустынной. Нет – городов и сел было больше, чем на другом материке, но в них смотрело в небо, провожая взглядами ревевшую двигателями «Стрелку», ничтожной число белокожих аборигенов. Весь центр материка утопал в снегу.

Такамура уже решил было, что космолет сядет на первом, Горячем, континенте. Но вдруг внизу поползли развалины огромного города. Даже разрушенные, заваленные непроходимыми сугробами, они поражали монументальностью некогда величественных зданий и разумностью планировки. «Стрелка» сбросила ход до минимума и на экране появилась большая площадь с развалинами древнего храма. Лишь в одном месте ровную поверхность снега здесь нарушал торчащий из под земли черный обелиск. Этот камень напоминал гнилой зуб, от которого страдал целый континент. Естественным желанием любого нормального человека было выдрать этот клык. Но профессор Такамура давно уже не был нормальным. Больше того – его внутренняя сущность затрепетала; почти так же, как две сотни лет назад перед первым шагом в Долину затерянных душ.

– Здесь, – определил он вслух, – если не попадется ничего лучшего.

Впрочем, он уже понял – ничто не заставит его отказаться от этого места, наполнившего душу ожиданием тайны. Тайны великой и... ужасной.

Поэтому «Стрелка» рванулась вперед, набирая высоту. Ведь Такамура был весьма целеустремленным человеком. И если он наметил себе пролететь над всей планетой – так тому и быть. Профессор уже не столь внимательно наблюдал за картиной разрушений внизу; и потом – за мелкими с высоты птичьего полета волнами океана. Единственное, что слегка оживило его – воспоминание о голубоглазом незнакомце. Он опять встал перед экраном в надежде отыскать дерзкого аборигена, и обрушить на него мощь земного оружия. Увы – или навигационная аппаратура дала сбой, или незнакомец успел спрятаться – но Такамура зря простоял у экрана не меньше получаса. Раздражение совсем скоро сменило нетерпение; его уже что-то тянуло на Холодный материк, где в самом центре мертвого города торчал черный обелиск. Мысль о том, что это нетерпение могло быть привнесено извне, даже не мелькнула в голове профессора.

Он быстро поел, не ощущая вкуса еды; позволил перекусить русскому пилоту. Даже немного поспал, увидев во сне все тот же обелиск. А когда тот появился наяву, маленький крепкий пальчик уперся в него с приказом космопилоту:

– Сбей его!

Командир безропотно убрал тягу двигателей почти до минимума, и направил космический корабль вниз. Такамуре теперь показалось, что это торчит из земли черный палец великана, погребенного века, а может быть, тысячелетия назад. Ему внезапно стало страшно, и он стиснул рукой плечо пилота. Но поздно!

Космолет наткнулся на камень, и его корпус мелко задрожал, не в силах выкорчевать препятствие. В пустых глазах командира корабля на мгновение проснулся разум. Он с удивлением посмотрел не показания приборов, а потом на низенького японца, неведомо как оказавшегося рядом с его креслом. Но память так и не проснулась до конца. Рука Такамуры на плече Лазаренко сжалась еще сильнее, и Анатолий вдавил кнопку маршевых двигателей до упора. Гигантская сила бросила космолет вперед. Воздушная волна снесла снежный покров с площади, пригласив космолет к посадке.

Ни профессор, ни Лазаренко не заметили, как на месте упавшего монумента взметнулся вверх высокий столб желтого газа. Вместо него в древнюю усыпальницу ринулся холодный живительный воздух...

Глава 2. Пробуждение

Темнеющее в глубине отверстие пугало. А еще больше манило. Оно приглашающе открыло свой зев на месте упавшего монолита. Такамура чувствовал внизу опасность. Однако он с таким чувством прожил практически всю свою долгую жизнь. Потому он без колебаний ступил на лестницу, исчезающую глубоко внизу. Каменные ступени не были вытерты подошвами ног – по этой лестнице, опоясавшей по кругу стены пещеры, мало кто ходил. А последние несколько сотен лет – вообще никто. Но пыли вокруг не было. И воздух был на удивление сухим и теплым – намного теплее, чем на поверхности.

Профессор не раз бывал в усыпальницах – эта ни своей особой атмосферой, ни сгущающейся с каждым шагом чувством опасности не напоминала ни одну земную. Скоро Такамура смог увидеть каждый уголок огромной сводчатой пещеры. Пещера была погружена в полумрак. Нет – она была освещена неведомым и невидимым источником света! А лучше всего был освещен постамент посередине пещеры, на котором покоился черный гроб без крышки. Последняя стояла рядом, прислоненная к стене так, что профессор едва не задел ее, спускаясь с последней ступени.

В гробу лежал высокий худой человек в темном одеянии. Последнего словно разбудил этот шаг Такамуры. Незнакомец вдруг легко сел в своем могильном ложе, и медленно открыл глаза. В его лицо словно возвращалась жизнь. Возвращалась с каждым словом, что бросал профессор в затуманенные глаза бывшего покойника:

– Кем бы ты не был, незнакомец, ты станешь моим первым рабом в этом мире!

Такамура вдруг вздрогнул. Покойник вполне живым голосом повторил за ним:

– Ты станешь моим первым рабом в этом мире!

Фразу он произнес, как и профессор, по-японски. Но трудности перевода его очевидно не беспокоили. Потому что по его лицу было видно – он прекрасно понял смысл каждого слова. Его глаза вдруг широко распахнулись, и он повторил – уже на другом языке, который профессор – к своему глубокому изумлению – тоже понял.

– Да, – прогремел голос человека в черном, прыгнувшего на каменный пол, – ты станешь моим первым рабом, но далеко не последним.

Он склонился к низенькому японцу, и уставился ему в глаза тяжелым немигающим взглядом. Перед Такамурой мелькнула картинка седой древности – пылающие города; рыдающий дети и женщины. А потом навалилась такая гнетущая тяжесть, что профессор лишь краткие мгновения смог противостоять ей. Весь талант и опыт земного гипнотизера в один миг был стерт в порошок, и посыпался тонкой струйкой на каменный пол.

– На колени перед своим господином, Великим Горном!

Маленький японец рухнул на камень, не ощущая боли. Лишь неземное блаженство и стремление тотчас выполнить следующий приказ господина царили сейчас внутри него. А рядом расправил плечи Анатолий Лазаренко, только теперь освободившийся от гипнотических чар Такамуры. Он удивленным взглядом обвел темный зал, маленького японца, истово бьющего поклоны высокому худому человеку в черном одеянии. Лоб японца уже был разбит в кровь. Лоб космолетчика немного напрягся – он вдруг вспомнил этого японца; видел его не один раз в визоре.

– Это же профессор.., – чуть не выкрикнул он в лицо долговязому незнакомцу.

Его рука между тем сама тянула из зажимов на бедре энергобластер. Увы – оружие так и не покинуло своего места. Мозг Анатолия, едва освободившийся от тяжкого гипнотического бремени, подвергся новой атаке. И этот ментальный удар был многократно сильнее.

– На колени! – прогремело под сводами пещеры.

Тело Лазаренко стало ватным; ноги действительно готовы были подогнуться, опуская тело на камень.

– На колени! – снова прозвучал приказ на языке, ставшем вдруг понятным для Лазаренко.

Сердце космолетчика забилося медленней, прекращая подачу крови, но он все стоял, покачиваясь, с побелевшим лицом. Чародей удивленно посмотрел не него. Он понял, что человек, стоящий перед ним на ватных ногах, скорее умрет, чем переступит через какой-то внутренний порог.

– Ладно, – махнул рукой Горн, – живи.

Анатолий отступил назад. Кровь заструилась по его жилам, возвращая лицу естественный цвет, но не выражение. Оно снова являло собой безжизненную маску.

А чародей словно не лежал неподвижно несколько веков. Он неожиданно легко пошел к лестнице; буквально вбежал по ней туда, откуда манил свежий воздух. Слишком свежий – для центра Гудваны, где четыреста лет дремал в волшебном сне Горн. Он остановился, выйдя из пещеры и глубоко вдохнул морозный воздух.

– Зима?! – удивился он.

Внутренний хронометр, исправно тикавший все эти годы, не мог обманывать. По нему выходило, что чародея должна была встретить буйно цветущая весна. А тут... Его взгляд остановился на космолете.

– Это что? – повернулся он к Такамура.

Тот, словно открещиваясь от невысказанного обвинения, махнул рукой на Анатолия и отступил в сторону. Лазаренко безжизненным голосом пояснил:

– Это мой космолет «Стрелка».

– Вы прилетели на нем?

Теперь кивнули оба землянина.

– Откуда?

– Лазаренко молча ткнул рукой в небо.

– Откуда!? – повторил Горн с нажимом.

– С Земли, – вступил в разговор Такамура.

– А далеко находится эта ваша Земля?

Профессор беспомощно пожал плечами и снова кивнул на космолетчика. Тот, помедлив, ответил:

– Двенадцать ноль переходов и еще немного на ракетной тяге.

– Сколько это будет в дневных переходах?

В другой ситуации Лазаренко бы растерялся, услышав подобный вопрос. Но теперь он задал встречный:

– А что такое дневной переход?

Теперь замялся Горн. Ему никогда не приходило в голову размышлять на подобные темы; дневной переход был данностью – как утро, вечер или ночь. Он был и все. Однако чародей нашелся, перевел в понятные каждому величины.

– Если на хороших лошадях, то верст сто-сто двадцать.

Командир быстро сделал в уме необходимые вычисления.

– Дневных переходов приблизительно будет, – неживая маска его лица чуть скривилась, обозначая улыбку, – десять в двадцать четвертой степени...

Горн, конечно не понял этих слов, но по мелькнувшему в глазах Анатолия почтению к столь громадному числу, осознал, что эта Земля очень далеко.

– Ладно, – махнул он рукой, – вернемся к нашему миру. Летит ли за вами еще кто-нибудь?

– Да, – не хотя ответил командир «Стрелки», – космолет «Белка» в двух часах полета за нами.

– Ах ты!.. – неразборчиво забормотал по-японски Такамура, – подступая к командиру со сжатыми в кулаки руками.

В его глазах вспыхнул недобрый огонек. Впрочем, он тут же погас, когда Горн поднял руку.

– Стой, – воскликнул он, останавливая маленького японца, подступившего к рослому, плечистому Анатолию, – ты сразишься с ним тогда и там, где укажу я. А пока ответь – они опасны?

– Да, – склонился в низком поклоне перед господином профессор, – одним залпом они могут сжечь половину этого города.

– Ну что ж! – Горн поднял руки к небу и заговорил, теперь уже непонятно для землян, четко выговаривая слова.

Грудь Такамуры наполнила неземная благодать – его господин творил великое волшебство, в чем сам профессор тут же убедился воочию. Разом потухли огни, обозначающие основной и аварийный люки космолета. Сам корабль словно осел в снегу, лишенный энергии. Автономные батареи, питавшие его жизнью на случай отключения двигателя, тоже разрядила невидимая рука.

Чародей же отправился к развалинам древнего храма, который сам же когда-то разрушил. Впрочем, главное здание, увенчанное остатками купола, устояло. Горн словно чувствовал, что именно под этим куполом скрывается разгадка тайны небывало долгой зимы. Внутри огромного центрального зала, освещенного благодаря узким окошечкам-бойницам, Горна и ступающих по его пятам Такамуру и Лазаренко встретили остекленевшими взглядами три десятка заледеневших воина, составлявших раньше отряд Шайтана. Сам он тоже стоял здесь – подпирал твердым плечом каменную стену. В центре зала – рядом с окоченевшим трупом чернокожего мужчины – лежал согнутый металлический жезл, покрытый глубоко вдавленными в нем иероглифами.

Горн поднял его и поднес к глазам. Он сделал это легко, словно в руках сейчас был не тяжелый металл, а сухая деревяшка. Чародей чуть ли не обнюхал жезл, с каждым вдохом все сильнее мрачней.

– Да.., – протянул он, – в мире появилась достойная сила.

Он еще раз провел пальцами по таинственным иероглифам, который теперь ничем не отличались от себе подобных, и повернулся к спутникам. Те согласно кивнули, хотя и не поняли, о чем он говорит. Тогда Горн зашептал слова нового заклинания. Он по-прежнему оставался своей телесной оболочкой рядом с землянами. Но самому себе казался великаном, который все рос и рос, занимая собой обозримый кусок небосклона. Потом незримая тень накрыла собой половину неба; ринулась через океан, и сомкнулась в той точке, где когда-то стоял замок Узоха.

– Так, – шептал он себе, отмечая невидимые другим огоньки силы, – здесь земли франов. Чародей щелкнул пальцами, гася слабый огонек.

– Здесь раньше был Рагистан – до него я не дошел, – еще один щелчок стер с лица земли второй огонек.

– А это.., – чародей отдернул руку, словно от полыхающего костра; щелчок так и не раздался, – значит, Обитель Дао еще стоит? Что ж, позже разберемся и с ней!

Когда-то давно древние стены Обители так и не поддались его чарам. И сейчас они были готовы принять удар – и ответить на него. Больше в Гудване ярких костров он не видел.

– Теперь на Черный континент, – чародей словно еще немного подрос, заглянув за горизонт.

От самого берега океана континент действительно был черен, словно всю его энергию поглотила жадная сущность. И лишь в самом центре полыхал нестерпимо яркий костер, в котором действительно сейчас слился воедино могучий клубок энергий. Горн осторожно потрогал

невидимым пальцем этот костер; отдернул руку и, решившись, навалился на него всей своей мощью...

Рука Света наконец нащупала в мешке шлем и рывком выдернула его наружу. Почти беспамятный охотник водрузил его на голову, освобождая себя от непосильной тяжести, и неиспытанного никогда раньше чувства подчиненности чужому разуму. Боль – а вместе с ней чужая воля – ушла, оставив в сознании чей-то бесконечно далекий изумленный возглас: «Ну надо же!».

– Ну надо же! – повторил Свет, оглядываясь и не решаясь снять шлем.

Только теперь он заметил, что правая рука сжимает меч, а другая поглаживает меж ушей громадную голову прижавшегося к бедру Волка. За те немногие мгновения, что охотник потратил на борьбу с неведомым противником, рядом появилась еще одна группа животных – теперь уже хищных.

Первым, не ведая, что сегодня здесь уже успешно прошла одна охота, выступил огромный гривастый зверь. Он неторопливо вышел из-за каменистого холма и потянулся громадным телом. Благодаря пышной гриве он казался даже более крупным, чем тигры рагистанского шахиншаха. Свет невольно перевел взгляд на его хвост, оканчивающийся кисточкой, и улыбнулся. Охотник вспомнил сейчас ристалище и битву с полосатыми хищниками. Едва ли не вслух он подумал:

– За этот хвост держаться удобнее...

Улыбка тут же погасла на губах, потому что из-за того же холма выпрыгнули гораздо меньшие, чем царственный самец, но очень подвижные львицы. Одна, вторая – всего в гареме царя зверей оказалось пять хищниц. Налитые могучими мускулами, они расположились в засаде. Причем одна направилась прямо туда, где прежде поджидал нужного момента Волк.

Свет вспомнил рассказы учителя об этих животных. Необычайно умные; они предпочитали именно этот способ охоты – из засады. Потому что огромный вес и не очень длинные лапы не позволяли им нестись в долгой погоне. Три-четыре прыжка, и промахнувшийся зверь отпускал спасшуюся жертву на все четыре стороны. Львица достигла места, самой природой подготовленной для засады, и зафыркала. Ей явно не понравился запах Волка.

Недалеко послышался повелительный рык льва, и самка умолкла. Все говорило о том, что прайд готов встретить добычу. И она появилась... Совсем не оттуда, откуда ее ждали хищники. Львы дружно – словно по команде – вздернули головы кверху. Мгновением раньше туда же посмотрел замаскировавшийся в чахлах зарослях Свет. Лишь теперь до него донесся необычный звук. Гоня перед собой волну воздуха, которая и свистела, насторожив охотников, над степью стремительно летела стальная птица. Она не гремела как прежде, но несомненно управляла еще своим полетом.

Идеально ровная поверхность соляного поля показалась наверное этой птице удобным местом для приземления. Она выпустила наружу ноги – точнее какие-то толстые колеса, мало напоминавшие тележные – и заскользила по соли, пролетев почти над головой Света. Правое крыло вдруг начало заваливаться вперед, но так и не успело коснуться сверкающей на солнце поверхности, потому что толстый слой соли не выдержал веса металлической птицы, и треснул. Птица нырнула в образовавшуюся полынью вся разом, а отколовшийся громадный пласт соли повернулся, и накрыл собой место падения, погнав к берегу невысокую соленую волну.

Но за несколько мгновений до этого птица выплюнула со стороны спины четыре больших комочка, которые вдруг расцвели белоснежными куполами. А под куполами висели люди! Они кучно приземлились – как раз между двумя группами затаившихся хищников.

Незнакомцы откинули назад прозрачные круглые шлемы, до того полностью скрывавшие головы, и повернулись навстречу львице, которая первой вышла из засады. Трое из них – как

по команде – протянули навстречу хищнице короткие трубки, и замерли в отчаянии. Трубки явно были оружием, и оно не пожелало сработать.

Тогда другую, совсем небольшую трубку поднял четвертый – чернокожий – здоровяк. Теплый воздух разорвал резкий треск не слышанных прежде Светом звуков. Пять раз дернулась рука чернокожего незнакомца, и пять кровавых отверстий отметили зоркие глаза охотника на гладкой шкуре львицы. Одна, или несколько ударов оказались смертельными. Вытянувшая к добыче голову хищница так и упала на камни, не успев сделать прыжка. Лишь предсмертный стон исторгся из ее пасти. А следом громадные клыки окрасила струйка крови.

Трое первых повернулись к здоровяку, спасшему их от львицы; один из них бросил резкие, явно обличительные слова, но здоровяк лишь рассмеялся. Громко и вызывающе – до тех пор, пока не появились остальные хищники. Раздался густой рык льва-вожака, и четыре хищницы разделились, охватывая сбившихся в кучу людей с двух сторон. Чернокожий, стоявший чуть поодаль, посмотрел на свое оружие и, громко выругавшись на незнакомом языке, бросил его на камни. Металлический лязг лишь на мгновение заставил хищников отвести взгляды от добычи. А чернокожий гигант принялся лихорадочно пристраивать на шее шлем.

Остальные словно забыли об этой хрупкой на вид защите, не в силах отвести глаз от огромных кошек. Никто из четверых не заметил, как на вершине каменистого холма поднялся Свет. Он на бегу достал четыре молнии Дао. Каждая из них достигла своей цели, произведя сокрушительные разрушения там, где их остановили воля и умение охотника. Львицы закружились на месте, зажимая лапами рассеченные молниями лбы. Пятой молнии у Света не было. Но да же она не помешала бы сейчас хищнику раздавить огромным телом застывшую на месте фигурку в серебристом одеянии.

Черногривый лев уже летел на нее; навстречу ему так же мощно оттолкнулся от склона холма молодой охотник. Два тела были несравнимы массами, но резкий толчок сделал свое дело – лев промахнулся. Он тут же вскочил, готовый совершить еще один – смертельный для незнакомца – прыжок. Но позади уже был наготове Свет, не сумевший сдержать широкую улыбку. Опять сбылось его недавняя мысль; руки сомкнулись на хвосте хищника, за который действительно было удобнее держаться.

Лев все таки сумел оторвать лапы от земли и прыгнул – совсем недалеко. Хвост зверя выдержал, свалив его набок. И опять хищник поджал лапы, не собираясь отказываться от добычи. На наглеца, дважды прервавшего его прыжки, он словно не обращал внимания. А зря! Лишь только передние лапы льва поднялись в воздух, как к открывшейся груди хищника метнулась стремительная тень, и длинное лезвие ножа достало до сердца зверя. Свет уже стоял далеко, наблюдая как лев неуклюже подпрыгнул в последний раз на месте, и упал на камни огромной неопасной тушей. Громадные лапы вытянулись и выпустили острые когти. По телу хищника пробежала дрожь и когти медленно спрятались в огромных жестких подушках.

Охотник направился к львицам. Наклоняясь над первой, он услышал короткий возглас одного из незнакомцев, но не обернулся, пока не достал четвертую, последнюю молнию из черепа хищницы. Не спрятав ее, вопреки привычке, в потайной кармашек, Свет подошел наконец к человеку, в котором безошибочно определил лидера этой небольшой группы. Протянув ему широкую ладонь, охотник сказал:

– Мир вам! – потом, сделав паузу, добавил, – меня зовут Свет.

Тот видимо понял охотника, потому что быстрым движением отсоединил от рукава необычного одеяния перчатку и крепко пожал протянутую ладонь. Он в свою очередь представился:

– Михаил Суриков...

Остальных слов Свет естественно не понял, потому что впервые в жизни услышал русскую речь.

Глава 3. Терра инкогнита

По семейной традиции Мишка Суриков должен был стать лесником. Да не простым, а дипломированным. Уже не одно поколение старших сыновей Суриковых поступала после школы в Воронежскую лесную академию – одну из двух, оставшихся на Земле. Почему именно это заведение, расположившееся на окраине совсем не лесного Воронежа, готовило специалистов лесного дела для Земной федерации, не мог сказать никто. Вторая была далеко – в очень даже лесной бразильской Амазонии. А Михаил этот секрет знал, потому что еще в шестом классе проследил родословную рода Суриковых – от первого, тоже Михаила – закончившего академию в далеком одна тысяча семьдесят четвертом году. Здесь он остановился в своих изысканиях. Не потому, что до профессора Михаила Тихоновича Сурикова предков у него не было. Нет – в седьмом классе его сердцем завладела другая страсть. На беду семейной традиции их класс попал на строящийся недалеко от Воронежа на месте бывших отвалов Курской магнитной аномалии космодром. Суриков заболел космосом. Космодром достроили, и одним из первых космолетчиков, поднявших корабль в необозримый океан Вселенной, был Михаил Суриков-младший.

Примерно в том же возрасте он вместе с одноклассником – Толькой Лазаренко – пришел в секцию спортивных единоборств. Они так и шли рядом по жизни – из класса в класс; из секции в секцию; из высшей космошколы – на борт космолета. Очень быстро они стали командирами кораблей, а еще раньше – признанными мастерами боевых искусств. Причем даже опытный тренер не смог бы сразу сказать, к какой именно школе единоборств принадлежал их стиль. А он был их собственным, собранным из множества других. Они редко принимали участие в соревнованиях. Почитатели классических айкидо или боевого самбо весело ухмылялись, наблюдая их «неправильные» движения на татами. А потом обескуражено потирали спины, припечатанные к жесткому ковру. Сурикова и Лазаренко не объявляли чемпионами, но истинные ценители боевых искусств знали их имена. Потому что равных им на ковре не было.

А в космофлоте Федерации знали – для этой пары нет невыполнимых заданий. Поэтому когда были построены «Белка» и «Стрелка» – космолеты, несущие на борту установки ноль-перехода – кандидатуры их командиров даже не обсуждались. Проект молодого академика Сергея Котовского, открывателя ноль-пространства, был в завершающей стадии, когда сам академик неожиданно пропал. Один из самых охраняемых в федерации людей просто исчез из своей квартиры, которая находилась под плотным негласным контролем. В пробный полет «Белка», а потом «Стрелка» ушли без своего создателя. И вернулись с триумфом, совершив сразу по два ноль-перехода. Кстати, названия для кораблей предложил Михаил, так и застрявший в исторических изысканиях в двадцатом веке. Чем-то ему та пора безумно нравилась.

Командором вновь образованной эскадры был назначен старый космолетчик Владимир Булгаков. Увы – в эскадре так и не появилось новых кораблей. Без бородатого гения Котовского точные копии «Белки» и «Стрелки» никак не хотели прыгать в ноль-пространство. А потом случилось невероятное! Один из самых охраняемых в федерации космических кораблей угнали! Угнали белым днем, пробравшись неведомо как в «Стрелку», и проведя туда же ее командира Лазаренко. И последовать вслед ей мог только двойник под управлением Михаила Сурикова.

В отличие от беглянки, «Белка» была полностью укомплектована экипажем. Больше того – кроме постоянных членов команды был один прикомандированный – полицейский. И Суриков от такого сопровождения никак не смог отвертеться.

– С вами летит комиссар полиции Бонго, – невозмутимый Булгаков словно не замечал, как недовольно кривит лицо Михаил.

Командор и сам знал, что в сложном полете не место новичку. Он поднял глаза к потолку:
– Это приказ оттуда. Вы поосторожнее с ним. Слышал о нем не очень хорошее. Кстати, он боксер. Выступает под именем Кассиус Клей.

Суриков присвистнул. Об этом парне, чемпионе последней олимпиады федерации в тяжелом весе он тоже слышал. Более того, Михаил – один из немногих живущих на Земле – мог сказать, откуда взялось такое имя. Он вспомнил первого Клея – великого Мохаммеда Али; символа единоборств двадцатого века. Его экстравагантные выходки в молодости, поистине гениальные поединки и трясущиеся лицо и руки в старости. В двадцать третьем веке о таких болезнях, как Паркинсон, давно забыли.

– Разберемся, – пообещал он, крепко пожав ладонь командора.

Он спешил на корабль. Даже сверхчуткие приборы «Белки» имели свой предел, а о свойствах ноль-пространства было известно так мало.

Экипаж ждал его у корабля. Владимир Мыльников, бортинженер и – по совместительству – непревзойденный компьютерщик, мастер на все руки и просто хороший парень, сунулся к нему с новостью:

– Слушай, командир! Тут нам какого-то здоровенного негра подсунули.

– Знаю, – недовольно оборвал его Михаил.

Мыльников с удивлением посмотрел на командира; его обиженная физиономия тут же разгладилась. Володя понял, что недовольство Сурикова к экипажу никакого отношения не имеет. Скорее – вон тот темнокожий дылда, что с нескрываемым пренебрежением поглядывает сейчас на них и есть причина такого нелюбезного тона командира.

– Да ты еще не видел его, – попробовал задержать товарища Мыльников, – если бы не фамилия – вылитый Кассиус Клей.

– А это он и есть, – внезапно успокоился, и даже слегка улыбнулся командир, потрепав по плечу бортинженера, открывшего рот, – эх ты, темнота. Сколько раз говорил – учи историю. Сейчас бы знал, что один Кассиус Клей уже выступал на ринге.

– Ага, – сообразил совсем не обидевшийся Володя, – в твоём любимом двадцатом веке.

– Точно, – кивнул Суриков, – это настоящее имя Мохаммеда Али – великого чемпиона. А Клей – его псевдоним... Ну что – пойдём посмотрим на нынешнего чемпиона? На комиссара Бонго.

– Это я, – подошедший неслышно здоровяк широко улыбнулся, показав белоснежные зубы.

– Михаил Суриков, – официально представился космолетчик, – командир «Белки».

– Понял, – еще шире улыбнулся комиссар, – ты командир; твоё слово на корабле закон. А я всего лишь должен поймать беглеца и привести его за шкирку назад – в тюрьму.

Однако глаза его, цепко и профессионально обшаривающие крепкую, хоть и не такую высокую фигуру командира, совсем не смеялись. Сурикову почему-то не захотелось заглядывать в них поглубже. Словно там могло обнаружиться что-то совсем нелюбезное. А Бонго уже тянул руку. Теперь его улыбка стала хищной, предвкушающей. Михаил без сомнения сунул в эту громадную ладонь свою. Рядом затоптался на месте Мыльников. Очевидно он уже познакомился с Бонго, и ему первое рукопожатие комиссара не понравилось.

Брови на темном лице вздернулись; белоснежные зубы произвольно прикусили толстую нижнюю губу.

– Может я и не выдержу твоего знаменитого прямого правой, но ладошка-то у меня будет крепче, – подумал командир, с невозмутимым видом наблюдая, как комиссар едва сдержался, чтобы не подуть на полураздавленные пальцы.

Злая искорка в глазах негра тут же погасла, и улыбка опять напозла на губы. Комиссар оттопырил большой палец – молодец, командир. А Суриков коротко кивнул и скрылся в корабле, уже не видя, как Бонго знакомится с последним членом экипажа. Рука Анны Конду-

ровой, врача и космобиолога, задержалась в огромной ладони совсем недолго. Комиссар отпустил неуклюжий комплимент:

– В космофлот отбирают только красавиц?

– Да, – ладошка девушки ловко выскользнула из его руки, – а еще умных, образованных, скромных и тактичных.

Анна, в придачу к ученой степени доктора биологии имевшая (Бонго не ошибся) звание «Мисс космофлота», тоже поспешила занять свое место. Комиссар последним поднялся в корабль. Неизвестно, понравился ли ему прием, оказанный экипажем «Белки», но в овальную дверь он шагнул, стирая с лица выражение лютой ненависти. Он скорее всего не знал, что командир со своего кресла мог видеть все – и в корабле, и непосредственно за его пределами...

«Белка» отлично держала след двухчасовой давности и в ноль-пространстве, и в обычном – там где царили ньютоновы законы. Впрочем, земля, которая проносилась под крыльями корабля, могла принести столько сюрпризов, что сэру Ньютону и не снилось. Суриков чувствовал это. Не потому, что вслед за «Стрелкой» они оказались над обитаемой планетой, жители которой мало чем отличались от людей – по крайней мере внешне. Нет – Михаил чувствовал, пролетая над огромными безжизненными пространствами, что эта земля дышит по-другому; встречает гостей не так, как их родная Земля, и – главный вопрос – захочет ли отпустить их?

Все в рубке корабля словно забыли о главной цели пребывания здесь. Экипаж оживленно обменивался впечатлениями, пока холодный голос комиссара не прервал Сурикова:

– Мы не потеряли их, командир?

– Нет, – ответил Михаил, переводя взгляд с огромного обзорного экрана на приборы, – они только что приземлились на другом континенте. Через два часа мы будем там же...

Увы – его прогноз был слишком оптимистичным. Мерный, едва слышный шум планетарного двигателя вдруг умолк совсем. Мало того – погасли и все экраны на огромном табло. Последнего не могло произойти никак – энергии в запасных батареях корабля могло хватить даже на первый ноль-прыжок. Но это было. Корабль стремительно скользил вниз, и Михаил поблагодарил тех неведомых конструкторов, которые предусмотрели даже такой неслыханный случай.

«Белка» не рухнула камнем вниз. Пусть ее крылья не были такими широкими и длинными, как у планера, но воздух планеты держал ее. И Суриков даже управлял кораблем – благодаря запасам сжатого воздуха. Механические рули были безумно тугими, но «Белка» послушно снижалась туда, где командир уже наметил аварийную посадку. Он так и объявил всем, первым надевая герметичный шлем:

– Приготовиться к аварийному катапультированию... Спецнаборы...

Впрочем спецнаборы (вспомнил он соответствующий пункт инструкции) всегда были при космолетчиках. Он на минутку отвлекся и от руля, и от инструкции:

– Ребята, хватайте, что вам дорого и...

«Белка», направляемая его уверенной рукой, неожиданно легко заскользила по огромной льдине, выросшей вдруг посреди каменистой пустыни. Перед панорамным окном выросла ледяная стена, и нос корабля клюнул вниз – в глубины воды. Михаил не раздумывая нажал на кнопку общего катапультирования. Уже в полете он увидел, как его «Белка» скрылась под той самой льдиной, вернувшейся на место.

Трое космолетчиков отрабатывали экстренное катапультирование не один раз, но и Бонго не подкачал – приземлился лишь немного в стороне от экипажа. Суриков не успел scomандовать даже один раз. Терра инкогнита встретила их довольно негостеприимно. Первой землян «приветствовал» огромный хищник, в котором Михаил признал самую обыкновенную львицу.

Может, это Африка, – мелькнула в голове командира мысль, – может, сделав по кругу двенадцать ноль-переходов, мы вернулись на Землю?

Подумать о том, почему на родной планете царит безлюдье и разруха, он не успел. Потому что хищница прильнула телом к земле, явно собираясь прыгнуть на космолетчиков. Шлем был в одной руке Сурикова; другая тут же навела космобластер на зверя. Палец нажал на курок раз, и второй, и третий... Бесплезно! Оружие тоже лишилось энергии. А рядом вдруг сухо треснул выстрел, и еще, и еще... Пять патронов было в пистолетике, практически утонувшем в громадной ладони комиссара, и все они поразили так и не прыгнувшую львицу. Впрочем нет – она все таки прыгнула – неловко и недалеко. И принялась крутиться на месте, словно маленький котенок. Увы – для нее – это было последним движением огромной хищницы.

Командир быстро перевел взгляд на комиссара. Тот стоял, довольно разглядывая оружие в руке.

– Пистолет! – воскликнул Суриков, имея в виду, что появление на борту человека с оружием (кроме экипажа, конечно) было вопиющим нарушением всех инструкций. Бонго лишь усмехнулся. Ухмылка вдруг пропало, и самодовольное лицо комиссара посерело. Рядом с командиром испуганно вскрикнула Анна. Михаил резко повернулся. Издав грозный рык, с другой стороны каменистого холма навстречу людям неторопливо шагнул еще один хищник – гривастый и опасный. Пока он тянулся телом, словно наслаждаясь произведенным впечатлением, следом вышли еще четыре зверя – безгривые.

Львицы первыми начали атаку. Командир сделал единственное, что мог – прикрыл собой Кондурову. Мысль о том, что он мог успеть надеть на голову непробиваемый шлем, даже не успела оформиться. А вот Бонго позади, грязно выругавшись, торопливо пристраивал на шее прозрачный колпак. Земляне в изумлении замерли, когда и эти хищницы без всяких выстрелов тоже закружились на месте, обхватив лапами огромные головы. А в самого крупного – льва – врезался не менее опасный хищник, человек! И его такая невеликая по сравнению с царем зверей масса заставила зверя промахнуться. До Сурикова, и до Анюты с Володей за его спиной донесся лишь резкий запах хищника, и его удивление и ярость. Все спутницы грозного зверя уже замерли на камнях, не подавая признаков жизни, а добыча не понесла еще никакого урона! Лев напряг тело и рванул к Михаилу. И опять незнакомец сумел поразить землян. Он оказался проворнее зверя – схватил последнего за хвост, подобно героям Бэрроуза. А когда хищник, не отказавшийся от своих намерений, поднял тело в очередном прыжке, человек скользнул к его туловищу – и тут же отскочил, остановившись за пределами грозных когтей. Лев рухнул, обрызгав камни кровью, толчками бившей из пробитой каким-то клинком груди. Вместе с кровью из тела льва истекала жизнь. Вот он в последний раз вытянул из огромных лап острые когти и застыл чуть в стороне от своих поверженных подруг.

Суриков опять вспомнил древнего писателя.

– Тарзан! – непроизвольно воскликнул он, словно ожидая, что герой подойдет сейчас к мертвому льву, поставит на поверженного зверя ногу и окрестность заполнит дикий крик победителя, бьющего кулаками по обнаженной груди!

Но нет – грудь героя не была обнаженной. К удивлению Сурикова, только что наблюдавшего, как незнакомец стремительной тенью бросался к зверю и от него, тот был облачен в длинную кольчугу и шлем. Если эти доспехи были железными, абориген должен был ходить, едва передвигая ноги. Сам командир только что почувствовал на своих плечах груз лишних ноль два «же», которыми бортовой комп успел порадовать экипаж.

А незнакомец так же легко и стремительно оказался у львиц – тех, что (догадался Суриков) лишились жизни не без его участия, и принялся выковыривать что-то из их черепов. Это что-то оказалось сюрриками непривычной формы, покрытой иероглифами. Михаил и сам когда-то баловался восточной эзотерикой – в ее боевой форме – но подобных таким конечно видеть не мог.

Незнакомец сказал несколько слов, явно представляясь, и протянул командиру ладонь. Во второй и был зажат один из сюрикенов. Михаил осторожно, но крепко пожал руку аборигену и представился в свою очередь:

– Михаил Сериков.

Незнакомец мягко повторил имя командира, и снова ударил ладонью по собственной груди:

– Свет.

Удивительно, но в русском языке такое слово тоже было, и оно означало именно то, о чем подумал Суриков, заглянув в бездонные глаза нового знакомого. Он утонул в них, словно купаясь в небе в лучах солнечного света, так удивительно похожих на волосы героя, сейчас ласково обдуваемых ветерком.

Командир повернулся к товарищам, и первым представил бортинженера.

– Володя, – мягко повторил за ним Свет; а потом – за Кондуровой – еще мягче, с придыханием, – Аньюта.

Сурикова даже кольнула иголка ревности, но в речи, и взгляде Света не было ничего интимного; он искренне любовался русской красавицей – и не более того. Михаилу даже показалось, что в его взгляде промелькнула грусть; словно он вспомнил кого-то близкого. Однако это промелькнуло, и исчезло – как только свою ладонь протянул комиссар. Михаил чуть поморщился – понял, что непобедимый Кассиус сейчас продемонстрирует фирменный трюк – растирание костей руки стоящего против него человека. И неприятный скрип действительно раздался! Быстрый взгляд на улыбающегося по прежнему Света показал – с его ладонью все было в порядке. А комиссар посерел – казалось он сейчас грохнется в обморок.

– Бонго, – словно выплюнул Свет, и разжал ладонь.

Комиссар отошел, растирая руку, и шепча что-то под нос. Это наверняка были проклятия – на неизвестном Михаилу языке. А вот Свет насторожился. Казалось, он понял негра! Но это длилось неуловимое мгновение; вот что-то другое привлекло его внимание и его ноздри смешно зашевелились. А Суриков и сам ощутил божественный аромат мяса. Экипаж обедал еще на земле. Бутерброды на скорую руку в полете лишь раззадорили аппетит, и сейчас он взывал – обратите на меня внимание.

Свет махнул всем рукой, и повел их к другому холму; там их встретил огромный пес неизвестной породы, который «улыбнулся» им страшной улыбкой. Сурикову показалось, что в сторону комиссара, так и державшегося поодаль, улыбка эта была совсем уж свирепой. А Свет уже отодвигал в сторону едва тлевшие угли, и разгребал слой земли, которой были засыпаны под костром два внушительных размера бурдюка. Непонятно откуда в руке хозяина этих мест оказался нож, и вот один бурдюк вспорот. Вырвавшийся из него аромат был настолько сильным и аппетитным, что его содержимое уже исчезло в желудках пяти человек, когда Мыльников, поглаживая себя по животу, вдруг вспомнил:

– Вообще-то надо было проверить анализатором...

Увы – анализатор, как и все остальные приборы, был «мертв». А Володька, махнув рукой, подхватил медный котелок, и отправился к луже, которую недавно выплеснул на берег тонущий космолет. Суриков заметил, как весело сверкнули глаза охотника, и приготовился наблюдать цирковое представление.

Мыльников ограничился громкими проклятиями – вода, как уже понял Михаил, была соленой. А толстый прозрачный пласт на озере – слой выпаренной жарким солнцем соли. Он тут же восхитился чудесному умению Света передвигаться неслышно, невидимо и стремительно. Охотник только что сидел, скармливая псу последние куски мяса – и вот он уже рядом с Володькой, и в руке у него котелок, полный соленой воды. А в другой – длинный меч, в первый раз показавший землянам свое хищное лезвие.

Кончик оружия окунулся в котелок, и та вдруг забурлила. А когда Свет вынул из него меч, кончик оружия был покрыт белыми кристаллами соли. Охотник протянул котелок Володе, и тот, отпив, с удивленным восхищением крикнул друзьям:

– Вода! Дистиллированная вода!

Теперь рядом с ними оказалась Аня с Михаилом – не так стремительно, конечно. Суриков осторожно дотронулся до лезвия пальцем, защищенным перчаткой, и громко вскрикнул. Громко не от боли – умел терпеть – а от удивления. Прочнейший материал перчатки, который не пробил бы пуля, легко разрезал допотопный клинок. К Михаилу тут же подскочила Аня – штатный врач экипажа. Она привычно достала из полевого рюкзака все от же анализатор, который легким нажатием пальца превращался в компактного лекаря. Ее голова тут же поникла – у прибора не горела даже красная кнопка, показывающая на полную разрядку батареи.

Тогда в дело вступил Свет. Он осторожно снял перчатку с руки Михаила (и как только разобрался в хитром креплении?), и спрятал рану, сочащую кровью, в своих ладонях. Окрестности непонятным образом заполнили тягучие слова, который Свет вроде бы шептал себе под нос. Михаил и так не сильно страдал от раны, а тут боль стала уходить – с каждым словом. А когда охотник отнял руку от ладони командира, тот удивленно вскрикнул – вместе с товарищами. На ладони не было даже шрама от раны!

Суриков ошеломленно переводил глаза со своей ладони на улыбающегося Света, когда тот вдруг насторожился. Взгляд его стал серьезным и напряженным. Он вдруг потащил сразу всех под наклонившуюся рядом с костром скалу. Затолкав четверых землян и собаку под каменный козырек, он метнулся обратно, стремительно уничтожая следы трапезы. Под камнями скрылись и остатки обеда, и угли, и что-то еще, невидимое Михаилу.

Комиссар Бонго, очевидно возмущенный подобным обращением, выскочил наружу и открыл рот, готовый выплеснуть на охотника водопад проклятий. Свет вроде не глядя махнул рукой, и негр скорчился на камнях без сознания. Охотник зашвырнул его обратно под скалу и бросил несколько слов псу. Когда олимпийский чемпион очнулся, перед его лицом нависла оскалившаяся морда пса. Ничего доброго эти зубы комиссару не обещали, и он снова закрыл глаза, притворившись беспамятным. Однако обмануть Михаила – да и Света тоже – ему не удалось. Охотник как раз занял место рядом с землянами, когда на землю обрушился гром подлетающего космолета. Вот «Стрелка» остановилась над озером и зависла, медленно совершив оборот на месте. Она словно пыталась разглядеть «Белку» под толстым слоем соли. Вот теперь командир корабля был рад, что его космолет недоступен. Правда, он не доступен и собственному экипажу, но Михаил почему-то был уверен – он еще возьмется за штурвал «Белки». А если не сможет достать ее сам, то поможет... Свет!

Охотник тем временем весь обратился во внимание. Вот он опять распростер руки, словно пытался обнять сразу всех – и действительно обнял. А за его спиной загорелось новое солнце – это «Стрелка» обрушила вниз, на ни в чем не повинные трупы львиного прайда, море огня. Космолетчики ошеломленно прижались к каменной стене. Михаил едва разглядел, как «Стрелка» рванулась прочь от озера, исчезая в голубой дали. Волк первым выскочил из под скалы, словно собираясь догнать противника. А Суриков успел заглянуть в глаза охотника. Он так и не определил, чего сейчас в них было больше – вызова, гнева, или ожидания близкой беды.

Глава 4. Замок барона Гардена

Горн счастливо захохотал, глядя, как внизу бушует пламя. Да – маленький раб не обманул. Если бы еще не упрямылся второй!

Он велел Лазаренко лететь обратно – на Белый континент. Жаль, конечно, что не нашли вторую железную птицу, ну да ладно – хватит и одной. Анатолий бесстрастно кивнул и тронул «Стрелку» вперед. Он выполнял только прямые команды чародея. Поэтому не стал говорить, что маленькая шкала металлодетектора слегка дрогнула, показывая, где пряталась «Белка». Сердце космолетчика наполнилось теплом – он вдруг уверился, что помощь придет. Скорее всего из под той скалы, на которую показал детектор органики.

Космолет уже набрал приличную скорость, когда Горн вспомнил, что где-то рядом должен находиться носитель невиданной силы, к тому же сумевший оградить ее от взгляда чародея. Но не всю! Он послал свою мысль тонким крадущимся лучом; и не сдержался в изумлении: «Тагор!». Этот возглас нарушил что-то на дальнем краю магической связи. Чародей, не привыкший за века к сопротивлению, даже подпрыгнул в удобном кресле. Его лицо набрякло кровью и застыло – ненадолго. Вот он откинулся на спинку кресла в изнеможении и раздражении. Неведомый противник опять сумел отрезать его от источника силы, а главное – от знания. От древнего знания, которое было давно развеяно по континентам. Теперь он вновь было собрано воедино и принадлежало – не ему!

Горн настолько глубоко задумался, что забыл про кабель, который постоянно сжимал в руках – иначе двигатели «Стрелки» не работали. Вот и сейчас корабль камнем падал вниз под негромкие причитания побледневшего Такамуры. Чародей опомнился и схватился за оголенный провод. Двигатели снова загудели и «Стрелка» рванулась в сторону Великого океана.

А Горн злорадно усмехнулся, прошептав непонятную для спутников фразу:
– Значит, Весна...

Земляне вслед за охотником вышли из убежища, проводив за горизонт исчезающую в синеве неба точку. Охотник опять ощутил, как чья-то чужая воля овладевает его сознанием. Он метнулся под скалу, где ждал спасительный шлем. Теперь Свет был вооружен не хуже невидимого противника. Защищенный волшебной сталью, он осторожно нащупал источник воздействия, и поразился глубине злорадного предвкушения далекого чародея. Оглянувшись, он понял, что предвкушал противник. Четверо незнакомцев, прилетевших на стальной птице из неведомых далей, надели на лица маски холодного равнодушия. Владимир и Анюта опять упали на камни изломанными куклами. Невидимый кукловод очевидно оценил из бойцовские возможности и остался недоволен. А вот Михаил Суриков и комиссар Бонго были грозными бойцами. Причем оценив мягкие движения первого, охотник не стал бы сразу отдавать пальму первенства чернокожему бойцу. Суриков, несмотря на гораздо меньшие габариты, был опытным поединщиком. Чем-то его движения напоминали мастеров Дао. Но – лишь напоминали. Вряд ли у него был такой учитель, как мастер Ли. И вряд ли в его жилах текла кровь древнего героя. К тому же сейчас этим тренированным телом управлял явно не мастер боевых искусств. Поэтому Михаил даже не успел занять оборонительной стойки, когда Свет мягко скользнул к нему и нажал на точку под ухом. Обмякшее тело он бережно опустил на камни рядом с товарищами, и повернулся к другому поединщику.

А тот вдруг уподобился бойцовскому петуху. Заскакал в стойке с правой рукой, сжатой в кулак, впереди. Вторая прикрывала подбородок и часть груди. Но заскакал красиво, несмотря на камушки под ногами. И Свет не удержался. Он тихо рассмеялся, занял точно такую же стойку, и тоже заскакал. Он думал сейчас, как будет рассказывать об удивительной схватке друзьям – там, в замке Гардена.

Бонго был уже рядом. Подпрыгнув, отчего показался еще выше и массивнее, он обрушил на охотника удар мощного кулака. Свет легко уклонился от него, угадывая, что первый удар был ложным, прицелочным; подсел под следующий – еще более сильный. Сам охотник ударил не кулаком. Выпрямленная словно копье ладонь внешне несильно ткнулась в живот противнику, и тот отлетел на камни, успев защитить разве что голову.

Но Свет знал куда, и как бить. Еще он знал об удивительном материале, из которого был изготовлен костюм и Бонго, и других пришельцев. Этот костюм сейчас не позволил комиссару провалиться в забытие. Зато стряхнул с него чары. Вскочивший ловко на ноги человек встал в стойку теперь по собственной воле. И воля эта готова была сокрушить охотника. Навсегда.

– Посмотрим, – зло усмехнулся Свет; он уже понял, что мир, приславший сюда этих людей, тоже не свободен от зла.

Теперь стойку и прыжки охотника Бонго принял за издевательство. Его глаза вспыхнули недобрым огнем, а толстые губы ужались в прямую тонкую линию. Олимпийский чемпион наскочил на охотника, впервые увидевшего настоящую боксерскую стойку, и нанес серию молниеносных ударов. В финале Олимпиады такой серии хватило для нокаута. Здесь удары провалились мимо противника, а черный подбородок встретил единственный встречный прямой удар правой. Не сдержав Свет холодной ярости, и на землю упал бы бездыханный труп. У охотника мелькнула мысль, отдать волю силе, которая сама должна была решить – жить этому человеку, или нет. Но он решил не уподобляться противнику. Потому удар хоть и выглядел всесокрушающим, на самом деле был точно дозированным – даже не сломал Бонго челюсть.

Комиссар упал на камни словно мешок. А Свет даже не стал дуть на кулак, весь превратившись в одно большое ухо, которое разобрало удаляющееся:

– А этот Свет очень даже неплох! И силой владеет немалой. Что там еще было в его памяти?..

Чародей словно перебирал сейчас липкими пальцами книгу, в которой каждая страница была отдельным заклятием, а каждая буква пылала колдовской силой. Даже через огромное расстояние Свет ощутил безмерное изумление чародея, когда тот «перелистнул» очередную страницу:

– Великое Небо! Это же заклятие Тагора! Этот парень или ничего не знает о даре бессмертия, или глупец почище самого Тагора! Тот прожил тысячу лет не старея, и умер от собственной руки – а больше от скуки. Лишь один человек может пользоваться этим заклятием. Этот Свет знает тайну Тагора, и не пользуется ей!

Как там: «Мене, тэке...». Проклятое небо! Никогда не мог запомнить сразу больше десяти слов. Может, вернуться? Нет! Свет сам приползет ко мне на коленях со своей тайной...

– Как же, жди... – прервал его чей-то суровый голос.

Горн похолодел и скривил лицо в жуткой гримасе – впервые кто-то перебирал пальцами его мысли помимо воли самого чародея. Он торопливо зашептал слова заклятия, прерывая невидимую нить, и злорадно усмехнулся, уже неслышимый Светом:

– Значит, Весна...

Весна как раз вышла вслед за Гарденом на высокое крыльцо замка, когда к ним подбежал Мамудин – младший из парсов, за долгую зиму вполне сносно овладевший франским языком. Но сейчас он, казалось, забыл все слова, кроме одного. Обратив испуганный взгляд на барона, а потом на молодую хозяйку, прижавшую к груди закутанного ребенка, он ткнул в сторону ворот:

– Там, там...

Гарден с Весной не стали ждать, когда парс заговорит понятней. Они сбежали с крыльца и поспешили туда, куда указывала трясущаяся рука Мамудина. Вслед за ними уже спешил Би Рослан. Волнение парса предалось барону; оно переросло в отчаяние, когда Гарден увидел, что

щит Владимежа, всю зиму охранявший замок, валяется рядом со створкой. Сейчас он ничем не отличался от десятков таких же щитов, хранящихся в запасниках замка. На руках Весны заворочался маленький Владимеж. На удивление спокойный ребенок сейчас просился к свету. И молодая мать распахнула детское одеяние, подставляя весеннему солнышку дитя. А тот уже тянулся ручонками к щиту. Так – вместе с потерявшим силу доспехом предка ребенка унесли в теплые покои.

Уже там, разглядывая щит, Би Рослан спросил, не подумав:

– Может со Светом что случилось?

– Нет, – побледнела Весна, тщетно пытаясь нащупать на шее Камень души.

Сейчас камень хранился в платке в виде серого песка. Там же лежала платиновая цепочка. А грудь молодой матери украшало ожерелье Предводительницы парсов. Его Нажуддин торжественно вручил новой главе маленькой общины парсов – в день рождения сына. Он тоже стоял сейчас здесь; и его лицо тоже покрыла бледность. Она тем более была заметна на его обветренном лице, что оттенялась густой черной бородой, в которой блестели многочисленные серебряные нити.

Он дотронулся до руки Весны, но та упрямо поджала губы:

– Нет, Свет жив! Это кто-то другой...

– И очень могущественный, – добавил смутившийся было историк, – потому что я не знаю силы, которая могла сорвать этот щит... кроме самого Света, конечно.

Весна подняла глаза к потолку, к небу, которое только несколько дней назад очистилось от темных туч и изматывающего душу ветра. Она и сама поняла, что упавший наземь щит несет с собой что-то недоброе. Ребенок на руках, стиснутый сильнее обычного, недовольно закричал. Он словно хотел сообщить матери, что она, обратив у ворот все внимание на щит, пропустила еще одно событие. У края леса, который стараниями слуг Гардена отодвинулся от замка на добрую сотню шагов, всегда дежурил чужой воин. Сейчас его не было – надев на ноги широкие лыжи, подбитые мехом, он заскользил в направлении вотчины Великого герцога франов...

Поместье барона Рагона, в отличие от многих других, выстояло в тянущейся невероятно долгие месяцы зиму. Он пылал жадной мести; но этот огонь в душе был холодным и расчетливым – такой не гаснет никогда. Потому он и послал лазутчика к замку Гардена. Он знал обо всем, что творилось за стенами старого замка. Словно собственными глазами видел и первую отлучку Света, и его возвращение, и трогательные проводы обидчика во второй раз.

Мимо него не прошли и немислимая подготовка старого Гардена к зиме. Безухий барон догадался, что это тоже происходит с подачи охотника и... решил последовать примеру врага. Замок Рагона тоже был готов к катаклизму, хоть и не так основательно, как маленький род Света.

К исходу лета, так и не пришедшего вслед за весной, в замок сквозь наметенные сугробы пробился конный отряд. Во главе конников едва держалась в седле Ругана. Она и сообщила братьям о смерти Великого герцога. Трон Гельма освободился. Но кому он был нужен без самого герцогства? На месте сильного государства сейчас держались из последних сил немногие замки франкских баронов.

Рагон медленно обошел шеренгу спешенный воинов покойного герцога. На голове у него тускло желтел золотой обод – корона франского монарха. Командир воинов вскинулся было при виде такого глумления над герцогской регалией, но... его плечи тут же поникли. От человека, который недобро шурился ему сейчас прямо в лицо, зависела судьба воина, а значит – и жизнь.

Барон резко отвернул голову и несмолкающий ветер бросил на плечо длинную прядь волос. На миг обнажился ужасный шрам на месте уха барона. Воин непроизвольно улыбнулся, и это решило его участь. Рагон зло стиснул губы и еще раз прошел вдоль ряда воинов, теперь

награждая некоторых из них внушительными тычками в грудь. Повинуясь приказу барона, шестеро счастливых выстроились за его спиной.

– Остальные свободны, – махнул рукой Рагон, – можете идти.

– Куда? – растерянно оглянулся на распахнутые настежь ворота замка командир.

– Куда хотите, – еще раз махнул рукой барон.

Старший из воинов глянул на лучников, глядевших на них со стен замка, потом перевел взгляд на госпожу. Ругана стояла на высоком крыльце, высоко задрал подбородок. Ее взгляд блуждал где-то выше голов бывших подданных. Командир обреченно вздохнул и взялся за повод коня.

– Нет, – резко хлестнул в морозном воздухе приказ Рагона, – я сказал вы можете идти. Лошади останутся.

Это было приговором; его понял не только командир. Один из его воинов неожиданно ловко прыгнул с места в седло собственной лошади, и развернул ее на месте. Увы – он не доскакал даже до ворот. Сразу три оперенные стрелы вонзились ему в спину, буквально снеся с коня. Оставшиеся воины медленно побрели за своим командиром. Последний старался не смотреть на издевательскую улыбку Рагона, на холодное лицо его венценосной сестры. К тому же у него сейчас было более важное дело – он решал, в какую сторону направить свой отряд. В том, что воины последуют за ним, он не сомневался.

Уже за воротами он услышал клич одного из своих бывших товарищей:

– Слава Рагону – Великому герцогу франов!

Казалось весь замок подхватил, подняв мощным криком стаю ворон:

– Слава!!!

На свое счастье – и на счастье подчиненных – командир повернул в сторону замка Гардена. Они брели, пробиваясь сквозь сугробы, которые щедрая зима намела по грудь, и теряли товарищей одного за другим. К замку старого барона вышли только четверо. Некоторое время они двигались по тайной тропе, натопанной соглядатаями Рагона. Один из них и сейчас был на посту. Он благоразумно отступил в лес, пропуская четверку изможденных воинов. Не потому, что так уж боялся этих доходяг. Просто он имел одну задачу – сообщать о всем, что происходит в замке, и вокруг него.

От командира Гарден узнал о смерти герцога и о том, что повелителем франом самовольно избрал себя старый недруг барона.

Немногие выжившие бароны тоже узнали о смене властителя – от него самого. Когда отряд нового Герцога обрушился на них – поочередно. Убивая всех на своем пути, Рагон главной целью ставил одну – еда. Еда, которой в замке оставалось все меньше, и которую уже не надеялись получить от своего сюзерена обитатели деревушек вокруг замка. Нового герцога сжигала одна страсть – месть! И он не мог утолить ее. На замок Гардена он напал почти сразу, как ушел Свет. Его воины даже сумели ворваться на стены старого замка – почти. Первый взобравшийся на гребень крепостной стены, упал замертво вниз. Его поразила не стрелы немногочисленных защитников замка, ни их мечи, а неведомая сила. И к этой силе – был уверен Рагон – был причастен щит на воротах замка. Раньше этот щит был приторочен к седлу скакуна Света...

Теперь один из разведчиков, до сих пор дрожащий от мороза, стоял перед бароном (или Великим герцогом, как его все называли) и рассказывал об этом щите. Рагон встал с кресла и сунул в руки слуге, принесшему добрую весть, кубок, только недавно наполненный вином. Он поощрительно кивнул разведчику, и тот жадно прильнул к золоту, крупными глотками загоня в себя усыпляющее тепло. Вот кубок опустел и герцог милостиво отпустил подданного отдыхать. А по замку полетели приказы – готовиться к походу.

Уже через полчаса первая группа всадников отправилась в сторону замка Гардена – пробивать дорогу. Группы сменяли одна другую, торопясь до утра проторить широкую тропу

к замку врага герцога. Сам Рагон прекрасно выпался, и вместе с братьями в самом наилучшем расположении духа поскакал на битву. Надо признать, в смелости ему было не отказать. Было время – он еще юнцом первым кидался в битву по велению герцога Гельма, чем заслужил немало наград. Но теперь он сам был герцогом. И потому постарался избежать ненужных потерь. Тем более, что весна наконец стремительно вступала в свои права. Расчищенная от снега площадка перед замком влажно чавкала талой водой; неведомо откуда взялись птицы, заполнившие весенний полдень своими песнями.

А на стенах замка выстроились его защитники. К ним и обратился Рагон.

– Открывай ворота перед своим Великим герцогом, Гарден, – выкрикнул он во всю мощь необъятной груди.

– Может ты назовешь хоть одного барона, который назвал тебя свои герцогом? – издевательски захохотали наверху.

– Барон Гарден будет первым.

– Никогда, – вступил в словесную перепалку хозяин древнего замка.

– Тогда сегодня здесь будет новый барон, – герцог подозвал одного из братьев.

Тот, порозовев лицом, остановил своего коня рядом с герцогским

– Для этого, – выкрикнул сверху Гарден, – тебе придется сразиться с наследником моего титула. Ты еще не забыл князя Русина? Может, тебе надо еще что-нибудь отрезать?

Наверху опять издевательски засмеялись; хохот тут же сменился громкими воплями. Ужас и боль теперь царили в криках на высокой стене. Это был мудрый, поистине герцогский ход Рагона – отвлечь внимание противника. В это время другой отряд, скрытно подобранный к крепости, бесшумно взобрался на выщербленные временем стены. Воины в этом отряде были вооружены арбалетами.

Боя почти не было – было избиение мечущихся по двору защитников, бросающих на камни бесполезные мечи. А два воина герцога уже спустились на каменные плиты широкого двора, и со скрипом отворили ворота перед своим господином. Тот медленно въехал в замок и спрыгнул с коня. Рядом тут же оказались братья. Четверым грозным поединщикам противостоял только один соперник – старый барон Гарден. Четыре меча взметнулись высоко вверх, и разом обрушились на врага, пустив солнечные зайчики по окнам замка.

Старый барон упал на камни родного замка, обливая их кровью, а в одном из окон раздался приглушенный женский крик. Герцог кивнул прислужникам, и скоро перед четверкой победителей стояли Весна с ребенком и Би Рослан, попытавшийся загородить своим немощным телом молодую женщину. Его грубо оттолкнули от Весны. Слуги тут же отступили сами, повинувшись окрику хозяина. Перед Рагонами гордо выпрямилась молодая русоволосая красавица, прижимавшая к рукам младенца. Солнце сверкало золотом и на ее волосах, и на голове такого же светловолосого потомка славинского князя, и на лезвии кинжала, который Весна занесла над ребенком. Могла ли мать лишиться жизни собственного ребенка. Эта – здесь и сейчас – могла. Потому что знала, что в руках злейших врагов и он, и она сама подвергнутся таким ужасным унижениям и пыткам, что будут сами молить о смерти.

Весна вдруг почувствовало, что сердце необычайно серьезного сейчас ребенка земедлило ход; что оно застучало прерывисто и все медленней. А вслед за маленьким сердечком и ее собственное застучало: «Тук. Тук.. Тук...». А она словно слышала вместо этого: «Свет. Свет.. Свет...».

Предостерегающий жест руки Рагона замер на полпути, когда в центр двора неожиданно опустилась огромная стальная птица. Все замерли и лишь Весна едва не бросилась навстречу фигурам, показавшимся в обнажившемся чреве птицы. Часть тускло блиставшего бока летательного аппарата откинулась, и на получившийся трап первым выступил высоченный и худой человек в черном. На костистом лице сверкали глаза – скорее веселые, чем злые. Но от этого

веселья хотелось бежать подальше, и спрятаться, чтобы не видеть пронзительного взгляда черных зрачков.

Следом, остановившись на площадке в двух шагах от чародея, вышел низенький круглолицый человек, тоже окинувший двор замка и фигуры на нем взглядом. У этого взгляд был безжизненным, но где-то в глубине узкого разреза глаз плескалось безумная ярость, силой своей сопоставимая с весельем чародея. На ступенях лестницы, ведущей внутрь стальной птицы, остановился третий член команды – широкоплечий здоровяк с таким же пустым, как у недомерка, взглядом. Весна, отметившая с внезапной теплотой в груди, как мягко и уверенно (почти совсем как Свет) спустился тот по ступеням, почему-то уверилась, что в его взгляде отразилась борьба. Этот плечистый красавец словно боролся сам с собой; или с силой, удерживавшей его в столь неподходящей компании.

Этот здоровяк, как и низенький незнакомец, был одет в удивительный серебристый костюм, на котором совершенно не было видно застежек. Все зачарованно смотрели на него, пока разозлившийся отчего-то чародей не вонзил свой взгляд в девушку:

– Весна? – спросил он почти утвердительно.

Весна, крепче прижав Владимежа к груди, против воли кивнула.

– А что?.. – начал Рагон, грозно поднимая меч.

Навстречу острой стали протянулась костистая рука в просторном черном рукаве одеяния, саму форму которого забыли века назад. Над старым замком загремели слова, словно усиленные древними стенами:

– На колени, раб! Все на колени!

Рагон проглотил недосказанный вопрос и рухнул на камни, выпуская из рук жалобно зазвеневший меч. Его братья шагнули вперед и тоже опустились на колени, хоть и не так стремительно. Может потому, что грозный взгляд чародея сейчас уперся во властителя франов, в его золотую корону? А со стен на древние камни тоже падало оружие, и вслед за ним покорно склоняли головы новые рабы. Их насчитывалось уже больше трех десятков. Лишь двое непокорных – нет, с ребенком трое! – стояли на ногах перед чародеем.

Это был Би Рослан, в своем изумлении даже не воспринявший приказа чародея. Потому что он видел это лицо на древнем свитке. Но тому пергаменту было не меньше четырех сотен лет! А Весна с Владимежом пережили только что еще более сильное потрясение. И по-прежнему не были готовы променять жизнь на рабство. Молодая мать могла сейчас упасть на камни – но лишь с кинжалом в сердце!

И Горн понял это. Он усмехнулся – в его глазах опять забегали веселые бесенята. Чародей не стал ломать волю Весны. Вместо этого он зашептал какие-то слова. Би Рослан напряг слух, но бесполезно. Заклятие словно растворялось в широком рукаве поднесенном ко рту Горна. Чародей повернулся в тот угол, где древние камни не были осквернены кровью его защитников. Холодный воздух в этом месте задрожал, и перед ошеломленной Весной с волшебным мечом в руках предстал... Свет!

Глава 5. Волшебная сила электрического тока

Первым благодаря воскрешающему прикосновения Света очнулся Михаил. Он сел и оглянулся. Почти одновременно с ним открыли глаза Мильников и Кондурова. Аня встала и пошатываясь побрела к комиссару. Охотник подивился такому внимательному отношению девушки к человеку, к которому она явно питала антипатию. Или тут сыграл свою роль профессиональный долг?

Она машинально сняла с пояса анализатор, задумчиво повертела его и опустила за ремешок на землю рядом с лежащим без сознания Бонго.

– Что это было? – спросил Суриков.

Свет – единственный, кто мог дать исчерпывающий ответ – конечно не понял его. Однако звук командирского голоса вернул к жизни комиссара. Он тяжело сел и помотал головой, разгоняя тяжелый туман. Потом сплюнул себе на ладонь. В кровавом сгустке лежали два зуба. Чемпион тупо уставился на них, словно не мог поверить, что кто-то мог совершить с ним такое. Воспоминания разом вернулись в его курчавую голову, и он резко повернул ее к охотнику, не сдержав болезненного стога. Распухшие губы полицейского сложились в угрожающую гримасу; казалось он сейчас бросится на охотника. Суриков напряг тело, готовясь вклинить между противниками.

Однако Свету не было никакого дела до Бонго. Как и его псу, кстати, который совсем рядом разинул свою страшную пасть в долгом зевке. Его острые зубы, или наклонившийся к нему Свет заставили комиссара шарахнуться в сторону. А охотнику действительно не было никакого дела до побитого полицейского. Он поднял к глазам анализатор. Свет уже понял, что эта компактная сумочка с красным крестом на боку не зря появляется, лишь только проливается кровь. И коль скоро девушка оставила его без присмотра, он решил полюбопытствовать.

И не зря! Лишь только прибор оказался в ладонях охотника, на панели загорелся маленький зеленый индикатор, показывающий, что прибор готов к работе. Земляне подскочили к Свету, издавая удивленные возгласы, опять не понятые им. Однако они не сразу разглядели то, что сразу отметил остроглазый охотник. Огонек на панели разгорался тем ярче, чем ближе он был к шлему. К шлему, в котором – не забыл Свет – каким-то образом поместилась чудовищная энергия молнии. Именно она, небезосновательно подозревал молодой охотник, и позволяла ему путешествовать по пустыне вполне комфортно. А когда прибор коснулся снятого с головы шлема, огонек разгорелся так ярко, что осветил руку охотника даже в яркий полдень.

Мильников был уже рядом. Он лихорадочно рылся в другом ящичке – в том самом, который он прихватил после последних слов командира терпящего бедствие космолета. На свет тут же появились длинные разноцветные провода. Получив молчаливое согласие охотника, Володя ловко присоединил два конца проводки к шлему; ее начало терялось в костюме космолетчика – в нагрудной панели управления.

На Света явственно потянуло приятным холодком – чудесный костюм снова стал работоспособным. Бортинженер нажал на другую кнопку; охотник уже ничему не удивился. Даже тому, что откуда-то (а именно из-за плеча парня) выползла трубка, к которой Володя тут же присосался. Впрочем, он тут же спохватился, и достал еще одну трубку – для Света. Тот сосать из трубки не стал; подставил под нее кружку, в которую полилась жидкость оранжевого цвета. На вкус этот прохладный напиток напоминал те плоды, что частенько попадались в продуктовых наборах. Тех самых, что ждали их с Волком в переметных сумках лошадей и так помогли им беспрепятственно добраться до сердца Караханы.

Теперь настала Аня очередь удивлять и себя, и других. Почти так же ловко она присоединила к шлему анализатор. Брови космобиолога поехали вверх, когда чуткий прибор показал, что меч охотника не несет на своей поверхности ни одного микроорганизма!

– Не может быть, – воскликнула девушка, – этот меч стерильней, чем скальпель хирурга!

Датчик тут же переместился на одежду охотника, и показал, что отличия от Земной биосферы несущественны – здесь тоже все было заселено микробами. А сам Свет... Он не стал препятствовать, когда анализатор пополз по его руке, срезая тончайший слой органической материи. Теперь удивление Кондуровой стало беспредельным.

– Да у него тот же генный набор, что и у нас!

– И это значит, – протянул Владимир.

– Это значит, – перебила его Аня, – что если ты соблазнишь туземочку, у нее родятся нормальные детки... Ну как нормальные – пожалуй, немного страшноватые...

– Это почему? – набычился Мыльников.

– Потому что будут похожи на папочку, – не выдержав прыснула в кулак Кондурова.

Суриков с Мыльниковым, совсем не обидившимся, тоже захохотали.

В разговор неожиданно вмешался комиссар

– Для такого эксперимента совсем не обязательно куда-то ходить, – прошепелявил он, не замечая, как нахмурил брови командир.

Свет с Аней действительно могли составить красивую пару – только нужно ли было это им? Свету – точно нет. Ведь его ждала самая красивая девушка в подлунном мире. И сын!

Но Кондурова никогда не оставляла без ответа таких выпадов в свой адрес:

– А что, – воскликнула она, поворачиваясь к охотнику, – красивый парень. И зубы все на месте.

Михаил с Мыльниковым опять захохотали, а Бонго зашептал что-то злобное себе под нос. К собственному удивлению Свет разобрал эту скабресную фразу. Не полностью, конечно – может потому, что сам не любил ругаться, и другим не позволял. Этот удивительный факт молодой охотник отложил в памяти. Его сейчас больше интересовал другой язык – тот, на котором общались вызывавшая симпатию тройка пришельцев. В их речи, будто бы тоже проскальзывали знакомые слова и он даже понял фразу Володи:

– Я почему-то думал, что ты равнодушна к командиру.

– А я и сейчас..., – начала Аня и осеклась, взглянув на Михаила.

Тот стремительно покраснел и отошел по несуществующему делу. Теперь негромко засмеялись лишь Мыльников и Свет. Пауза оказалась недолгой. Михаил быстро справился со смущением.

– Володя, – позвал он друга, – не пора доставать твой чудо-комп?

– И как я мог забыть? – хлопнул себя по лбу бортинженер, извлекая из сумки еще одну коробочку. Это была его гордость – маленький, но чудовищно емкий компьютер, в программе которого была вся земная цивилизация – имена, даты, открытия. Вплоть до того дня, когда «Белка» отправилась в злополучный полет. Программа автоматически обновлялась; а предназначалась она первому представителю внеземной цивилизации. Мыльников верил, что наступит тот миг, когда он вытащит комп и торжественно вручит его...

Обстановка была не столь торжественной, как ожидал Володя, но тем не менее он всунул коробочку в руки охотника, не подозревавшего, что первым по очереди среди бесконечной череды файлов в ней стоит самоучитель русского языка. Руки бортинженера сноровисто прикрепили провода к шлему, и готовы были начать первый в этом мире урок русского, когда воздух вокруг них задрожал и на ровном каменном участке совсем рядом с ними появилась картинка внутреннего двора старинного замка. Посреди него замер космолет.

– Толька! – вскрикнули Михаил и Аня одновременно.

– «Белка», – удивленно вскинул руки Мыльников.

– Такамура, – прорычал комиссар, забывший о ноющей боли во рту.

Но все звуки перекрыл мощный голос Света:

– Весна! – он рванулся вперед, отбрасывая в сторону Володьку, так и не успевшего подсоединить волшебный шлем к компу.

Охотник отметил рывок в руке, но отсоединять провода не было времени. Он лишь откинул их назад, надевая шлем на голову. А его меч уже тянулся к высокому старцу в черном одеянии, закрывшем от него Весну с ребенком. Меч тут же поднялся, чтобы поразить чародея, который раньше вторгался в мозг Света.

– Да, – усмехнулся прямо ему в лицо Горн, – это был я. Четыреста лет я ждал этого мгновения.

Он протянул вперед невооруженную руку, которая, казалось, была готова ухватиться за лезвие меча.

– Этого мгновения? – не понял Свет.

– Да, именно этого, – чародей был наполнен веселым нетерпением, – теперь ты готов открыть мне тайну заклęcia Тагора?

– Нет, – отрезал охотник.

– Ну что ж, – вздохнул притворно Горн, – придется отдать Весну с дитем им.

Он шагнул в сторону, и перед молодым охотником предстали братья Рагоны, походившие сейчас на побитых собак. Однако при виде заклятого врага в их глазах стал разгораться огонек. Казалось еще немного, и заклятье, сковавшее их волю, разлетится в эфире на мелкие кусочки, но чародей опять шагнул вперед, каким-то образом закрыв своим худым телом сразу всех четверых. Свет лишь успел заметить, как на голове старшего из Рагонов тускло блеснула корона Гельма.

В следующий момент он сделал стремительный выпад вперед. Меч пронзил живот чародея, но тот лишь рассмеялся. Острое орудие бешено кромсало плоть, но та не менее успешно зарастала на глазах. Длинный удар разрезал чародея надвое, но и он не нанес Горну никакого урона. И тогда Свет, оставив в чреве противника меч, прикоснулся к лезвию свисавшим от шлема проводом.

Чародей страшно закричал; его туловище затряслось как в падучей, а сквозь темное одеяние и плоть проступили кости скелета. Горн судорожно рванулся назад, и упал на камни. Свет не подозревал, что этим движением чародей быть может спас себе жизнь. Потому что за мгновение до удара электрическим током последний защитник крепости – тот самый франкский командир – спустил скобу арбалета. Мощный болт полетел вперед, а франк упал головой замертво на камень, уверенный, что забрал за собой за грань жизни хоть одного врага.

Увы – острый болт пролетел над корчащимся в судорогах чародеем и пробил незащищенную шею Анатолия Лазаренко. Опомнившийся чародей был в ярости – его колотила дрожь и при воспоминании о страшном оружии Света, и понимание того, что единственный человек, способный поднять в небо стальную птицу, лежал при смерти. Он даже не обратил внимания на топот копыт. Это Нажуддин, принявший раньше страшный удар болта в нагрудник кольчуги, отполз незаметно к лошадям, и сейчас исчезал в заснеженном лесу.

Между тем Горн наложил руку на пробитую насквозь шею Лазаренко и остановил кровь. Но Анатолий не открыл глаз, и чародей понял – организм землянина, чья воля долгое время была подавлена чарами, не хочет сопротивляться смерти. С глубоким вздохом Горн освободил Анатолия от воздействия своей силы. Щеки Лазаренко тут же порозовели, и он погрузился в долгий целебный сон. Его чувства, смертельно уставшие от гипноза Такамуры, а потом и чар Горна, даже не отреагировали на грубые прикосновения воинов, которые перенесли его в замок – на кровать, еще помнящую тепло Весны.

А несколько успокоившийся Горн подступил к Весне с ребенком и Би Рослану, опять попытавшемуся закрыть девушку своим телом. Он совсем не зло усмехнулся и заговорил с рагистанцем.

– Кто ты?

– Мое имя Би Рослан, – с достоинством склонил голову старик, – я изучаю историю минувших дней и пишу о событиях нынешних.

– Хорошо, – решил чародей, – теперь ты будешь писать мою историю.

Би Рослан промолчал, и Горн принял это за согласие. Он даже не стал подчинять старого историка своей воле, поскольку считал, что его подвиги достойны восхваления в летописях без всяких прикрас.

Иное дело Весна. Вместо матери, готовой ради ребенка порвать любого голыми руками, и любящей женщины ему нужна была послушная кукла. Черный пронзительный взгляд вонзился в глаза Весны, и та побледнела, прижав к груди спокойно воспринявшего этот взгляд ребенка. Казалось, малышу совсем не было страшно видеть рядом лицо похожего на лысого грифа чародея. Рука Весны под завернутым в шелковое одеяло малышом поползла за ворот, и нащупала там ожерелье. Бесчисленные поколения Предводительниц парсов закружились перед ней, невидимые никем иным, и позвали ее за собой – туда, где не мог достать никакой чародей.

И Весна решительно шагнула в страну Ургиляй, где ее и ребенка ждал Свет. Би Рослан едва успел подхватить два бесчувственных тела. Он не ощутил дыхания ни матери, ни ребенка и обратил взгляд, полный отчаяния, к чародею.

– Жива, – успокоил своего летописца Горн, – и проснется, когда захочет, или...

Он не стал признаваться старому историку, что не в состоянии прервать волшебного сна матери и дитя. Что это может сделать кто-то, наделенный гораздо большей силой. Но этот человек очень далеко...

Два бывших воина Рагона – ныне рабы чародея – приняли тела у Би Рослана, и унесли их в космолет. Там Весна, все так же прижимавшая к себе сына, произвольно приняла удобное положение в кресле. А Горн, бросивший на нее мрачный взгляд, вышел из корабля. В этом кресле Весна и ребенок должны были дожидаться возлюбленного и отца. Сколько? Даже Горн не мог сказать этого. Его силы не иссякли, и чародей мог заглянуть за полмира, что бы узнать – как быстро спешит на помощь охотник. Но он – впервые в жизни – до судорог боялся того ощущения, что принес ему волшебный меч Света. Он не мог забыть унижения и беспомощности, которые испытывал, когда дергался на лезвии меча, словно поросенок, живьем нанизанный на вертел.

– Нет, – подумал чародей, – пусть он сам придет сюда. К тому времени я буду готов встретить его.

Боковая дверца корабля, служившая экипажу одновременно трапом, благодаря скрытым пружинам захлопнулась. На корпус легла рука Горна, закрывшая почти неразличимую глазом линию, разделяющую сам корабль и дверцу. Он чуть нажал ладонью, и на сверхпрочной композитной броне «Стрелки» остался отпечаток. Теперь никто, кроме самого чародея, не смог бы попасть в корабль, в котором волшебным сном забылась Весна.

Глава 6. На просторах Караханы

Свет – единственный, кто мог объяснить землянам, что за поразительную сцену они сейчас наблюдали, не мог сделать этого по вполне понятной причине. Он не знал ни одного земного языка. Те немногие выражения, что в запальчивости процедил сквозь зубы Бонго, вряд ли были общепринятыми. Ведь экипаж «Белки» не понял ни слова. Так что Мыльников не зря опять подступил к Свету. Теперь в его руках были наушники.

Но охотник остановил его мягким прикосновением к груди. В его руках оказался меч, уже лишенный проводов, и необычное стило начало чертить на камне поначалу не очень понятные знаки. Вот внутри двух окружностей появились две неправильной формы фигуры, в центре одной из которых Свет с незаурядным мастерством изобразил все, что видел вокруг себя – землян, волка, огромное соляное озеро. В другой окружности так же стремительно выросла картинка, только что увиденная зрителями – двор замка Гардена.

И Михаил вдруг догадался – человек, только недавно почти голыми руками убивший свирепых хищников, рисовал карту мира. Мира, который они видели с небес. Даже очертания двух материков были узнаваемы. Свет словно понял, о чем думает сейчас командир «Белки». Он показал ладонью на себя, потом всех остальных, и ткнул острием меча прямо в один материк. Суриков догадался:

– Мы здесь.

А Свет кивнул, увидев его понимающий взгляд, и перешел ко второй части карты местных полушарий. От пяти шести крошечных фигурок – пяти человеческих и одной собачьей – через полмира протянулась линия – прямо к «Стрелке» во дворе замка. Свет еще раз выразительно глянул на космолетчика, ткнул себя пальцем в грудь, и решительно остановил острие меча. Всем своим видом он показывал сейчас: «Я нужен там, и я иду туда!». Земляне не удивились бы, если бы он сейчас поставил знак вопроса перед из фигурами на камне.

У Михаила меча не было, поэтому он нагнулся за головней из костра, и рядом с царпиной через океан пролегли еще три черные линии. Он выразительно посмотрел на Бонго, но тот лишь пожал плечами, мол: «Посмотрим, как дело пойдет».

Вслух же он воскликнул:

– Это же полмира надо пройти – без автомобиля... даже без лошадей!

– А что мы будем делать здесь? – возразил ему Суриков, – корабль сами не поднимем. Единственная возможность вернуться домой там, где Толька Лазаренко, где «Стрелка». Наконец там Такамура – разве не за ним ты прилетел.

Негр ничего не ответил. Михаил вдруг понял – будь дело на Земле, в той же Африке – комиссар уже бросил бы их.

– К тому же, – поддержал командира Володя, – долго мы продержимся тут без него? А он, по-моему, своих решений не меняет, – бортинженер похлопал по могучему плечу охотника.

Теперь все смотрели на комиссара. И тот, как бы не желал обратного, все же согласился. Свою дугу он прочертил подошвой ботинка, встав после этого на маленькую фигурку с мечом за спиной. Он с вызовом посмотрел на спокойно взиравшего на эту сцену охотника, провел языком по острым сколам зубов и обратился сразу ко всем:

– Раз мы начинаем экспедицию, надо выбрать начальника. А поскольку корабля у нас нет...

– То я предлагаю избрать командиром Света, – закончил за него Суриков.

– Как?! – поразился комиссар, – этого дикаря, который не понимает ни одного нашего слова?..

– Ну, это дело поправимое, – Мыльников шагнул к охотнику уже в третий раз и теперь никто и ничто не помешало пристроить на охотнике наушники.

Бортинженер щелкнул кнопкой на панели управления и брови молодого охотника вздернулись вверх – от изумления или от восторга. Первый на этой планете урок русского языка начался.

Солнце между тем клонилося к вечеру. Об охоте речи не шло, но запасов в космокостюмах вполне хватило и землянам, и Свету, и даже Волку. А потом Мыльников обеспечил всем достаточно комфортную ночевку. Герметичные костюмы были присоединены к шлему, о скоро над опустившейся на каменистую пустыню ночью воцарилась тишина. Испуганные заревом залпа орудий «Стрелки» звери не мешали охотнику рассуждать под мерное бормотание из наушников.

Наутро в дальний путь выступил никогда не виданный в этих местах караван. Впереди, не снимая с головы ни шлема, ни наушников, шел Свет, внимательно обзревая окрестности. Следом тянулась недлинная цепочка землян, последовательно соединенных проводами. Последним вышагивал Бонго. Он злобно щурил на идущих впереди глаза и шептал слова, непонятные не только экипажу «Белки», но и большинству граждан федерации...

Отец Бонго, как и его дед, и прадед, и другие бесчисленные предки, был колдуном африканского племени, которое давно исчезло с лица Земли. Последние поколения Бонго не проводили колдовских обрядов, но бережно хранили древние секреты. Комиссар, в котором рано проснулся кровожадный характер предков, был достаточно хитер, чтобы скрывать его от окружающих. Он был скромным, приятным в общении и прилежным в учебе. А учился он в полицейской академии. Никто из его однокашников не поверил бы, что в академию его привела не жажда справедливости, а другая страсть, сжигающая его изнутри. Это была жажда власти над людьми – власти абсолютной и безраздельной. Воплотить такую мечту в двадцать третьем веке от рождения Христа было трудно, практически невозможно. Но только не для наследника африканских колдунов.

На ком он мог попробовать силу магических заклятий и обрядов? Бонго нашел таких людей. Он брался за допросы отъявленных злодеев, от которых отступались самые опытные следователи. Его успехи были очевидны; Бонго быстро поднимался по карьерной лестнице. И никому не пришло в голову проверить судьбу тех злоумышленников, у которых он вырвал признание. Такие люди долго не жили – накладывали на себя руки или оказывались в самых закрытых психиатрических лечебницах. Таких, из которых не было выхода даже в двадцать третьем веке.

Может со временем кого-то и насторожила бы печальная статистика комиссара Бонго, точнее его подопечных. Но очень вовремя для него на всю федерацию прогремело дело Такамуры. Комиссар был одним из первых, кто предложил себя для погони за беглецом.

Теперь он шел последним в связке, наливаясь злобой на окружающий мир и прежде всего на молодого охотника, который уверенно возглавлял шествие. Он помнил удар, которым его наградила Свет, и даже выращенные благодаря чудесам земной медицины зубы не успокаивали его. Наоборот – это тоже произошло при содействии охотника; точнее энергии его шлема. Бонго был достаточно умным и самокритичным человеком. Он понимал, что своим успехам в криминалистике обязан больше наследию предков, чем собственному таланту. А вот олимпийскую медаль он заслужил только благодаря своему труду и упорству. И сейчас он, облизывая языком новые зубы, с ненавистью смотрел в спину того, кто в одно мгновение сокрушил эту гордость.

Вместе с тем в комиссаре зрело какое-то непонятное чувство – словно он после долгой отлучки вернулся домой. Не в свою шикарную квартиру в Нью-Йорке, а туда, где по ночам стучали там-тамы и лилась кровь на жертвенник. Вокруг него сейчас был мир, где он полностью мог раскрыть свои способности. И окружающие по достоинству оценили бы их. Конечно не те, что идут сейчас впереди, соединенные в цепь разноцветными проводами...

– Веди, – думал он, глядя в спину охотника так, словно пытался пробуравить ее насквозь, – веди меня к людям, которые будут повиноваться мне и трепетать при одном имени Бонго.

Он копил злобу восемь дней, а на девятое утро неожиданно для всех первым протянул Свету конец провода. Судя по всему ему надоело плестись в конце каравана и прислушиваться к обрывкам разговоров, которые вели между собой космолетчики. Комиссар подсовывал свой костюм к шлему и вытянул из кобуры энергобластер. Рычаг мощности был уже в положении максимального залпа. Он повел длинным дулом в сторону небольшой куртины деревьев и нажал на спуск. Из бластера вырвался тонкий белый луч, в одно мгновение перерезавший ствол дерева. Зашуршав кроной о соседние, оно медленно завалилось набок.

– Не боишься, белая собака, – воскликнул злобно комиссар, – что я влеплю тебе в спину полный заряд?

– Нет, не боюсь, – покачал головой Свет, – ведь это моя энергия, а не твоя. Не забывай, что ты пользуешься ею, пока я позволяю.

Бонго сначала вник в смысл слов, и только потом сообразил, что тот отвечает комиссару на техноанглике. Даже не так! На сухом пресном языке технократов говорил сам Бонго, а охотник строил фразы так, что мог позавидовать самый консервативный диктор британского телевидения.

В руках Света оказался меч; Бонго лишь мигнул, а охотник стоял рядом – вооруженный. Огромный негр даже немного отпрыгнул в сторону, в отчаянии понимая, что ничего не сможет противопоставить воину. Но Свет даже не смотрел в его сторону. Он протянул оружие все к тем же деревьям, и зашептал что-то негромко – так, что темнокожий колдун не смог разобрать ни слова, как ни старался. С лезвия к кронам протянулась нить – гораздо более яркая, чем из бластера. Второе дерево с шумом упало на первое. В этот момент к ним подошли остальные путники.

А Свет не забыл о «белой собаке», хотя особого оскорбления не видел – все было в том презрении, с которым ему в лицо процедил эти слова комиссар. Поэтому он встретил землян улыбкой, непроизвольно перейдя на язык Пушкина:

– Скажи, Михаил, ты ведь специалист по двадцатому веку?

Суриков машинально кивнул, подумав, что «специалист» звучит слишком громко. Затем он, вслед за Володей и Анютой, удивленно уставился на охотника.

– Ты говоришь по-русски? – первым воскликнул Владимир.

Теперь удивленное лицо сделал Свет.

– А разве не для этого ты дал мне это? – он показал черную коробочку, в которой прятался микрокомп.

– Для этого, – кивнул потрясенный бортинженер, – но ведь прошло только восемь дней!

Свет поджал плечами. Он не стал говорить сейчас, что русский язык это не все, что было надежно зафиксировано в памяти охотника. Впрочем, еще больше нового его ждало впереди, и Свет поспешил спрятать коробочку.

– Да, – вспомнил Суриков, – а зачем тебе понадобился двадцатый век?

– Просто я не совсем понял, кого тогда называли черномазыми обезьянами?

Охотник не смотрел на Бонго, но прекрасно представлял себе, как посерел от гнева комиссар. А тут еще и Володька влез со своим вопросом некстати (а может, наоборот – кстати?):

– И кого же так называли? – он тоже уставился в лицо Сурикову.

По этому лицу Свет прекрасно видел, что Михаил лихорадочно формулирует ответ – который бы не сильно обидел комиссара. Но тот уже что-то беззвучно шептал и в ярости рвал провод со своего костюма.

– Сегодня я буду идти первым, – прохрипел он в бешенстве, и резво зашагал, не дожидаясь, когда остальные подсоединятся к шлему.

Свет не стал объяснять, что за словесная перепалка состоялась здесь недавно; он поспешил за буйным комиссаром, стараясь не выпускать его из виду. Лишь Волк сунулся было вперед, попытавшись обогнать Бонго, но тут же вернулся к хозяину.

В таком порядке они прошли почти до полудня. Комиссар не сделал ни одной остановки, подгоняемый клокотавшей в груди яростью. Он даже не остановился, чтобы освежиться глотком воды. Космолетчики могли выпить по глотку освежающей жидкости прямо на ходу, а Свет, казалось, никогда не испытывал потребности в отдыхе.

Между тем пейзаж постепенно менялся. Редкие рощицы исчезли, зато появились невысокие холмы. Между ними петляло русло пересохшей реки. Видно было, что когда-то она была глубокой и полноводной – на это указывала высота осыпавшихся берегов.

Комиссар дважды пересек эти берега по прямой; потом они стали такими обрывистыми, что спрыгнув в третий раз, он уже не стал подниматься вверх. Тем более, что речка когда-то текла в нужном им направлении. Свет прибавил ходу, чтобы не потерять его из виду совсем. Впереди, за крутым поворотом русла он вдруг услышал громкие непонятные звуки. Он крикнул, останавливая Бонго, но тот уже повернул за поворот.

Буквально через мгновение он появился опять – улепетывающий со всех ног от неведомой опасности. Лук тут же появился в руках охотника; стрела тоже ждала, когда тугая тетива натянет мощные дуги из остролиста. Но оперенная смерть так и не полетела вперед, потому что добыча была ей не под силу. Из за поворота выскочил, быстро набирая скорость, и стремительно догоняя Бонго, огромный серый зверь.

– Слон, – вспомнил охотник гравюру из подвала Обители, – действительно размером с небольшой дом.

Вспоминать еще что-то не было времени – огромное животное уже подняло хобот, готовое обрушить его на комиссара. А за первой живой горой выбежала вторая, третья... Этим громадинам больше пристало неспешно передвигаться по равнине, наслаждаясь сочной травой, а не бежать, словно спасаясь от... Свет быстро огляделся. На высокий обрывистый берег засохшей реки сам он мог взлететь за пару мгновений; даже прихватить кого-то из космолетчиков с собой – хотя бы девушку. Но как быть с остальными; особенно с Бонго, который уже ощущал на затылке горячее дыхание слона?

И тогда Свет принял совсем другое решение. Он пошел навстречу комиссару, высоко воздев руки и бросая в горячий воздух напевные слова. Эти слова он выудил из памяти покойного колдуна, и не понимал их смысла. Но именно после них он сам когда-то забарахтался в воздухе, как муха в паутине, или пчела в тягучем меде.

Слон наконец настиг комиссара. Его гибкая «рука», торчащая вперед меж огромных бивней, обвила туловище человека, и в один миг подняла его высоко вверх, очевидно готовясь швырнуть его себе под ноги. Комиссар на удивление тонко заверещал, прощаясь и с жизнью, и со своей так и не свершившейся мечтой. Но движения слона вдруг замедлились; он едва успел опустить на высохшую глину четвертую ногу, что позволило ему не упасть вместе с живой ношей. А ноша – комиссар – тоже мог лишь бешено вращать зрачками – заклятие достало и его.

Теперь только Свет мог двигаться в округе. Предчувствие не обмануло его. Однажды преодолев чары, Свет стал над ними; они больше не были властны над охотником. Однако времени оценить новые ощущения тоже не было. Издали накатывали ритмичные звуки, больше всего похожие на гром барабанов. Охотник не знал, как далеко простираются чары. А ведь из за его пределов могли прилететь стрелы, или копьа. Да даже одного камня, сброшенного с кручи, хватило бы, чтобы разmozжить кому-нибудь голову. Ведь то, что гремело, кричало, вопило и стучало уже совсем недалеко, было здешними охотниками. Сам Свет никогда не стал-

кивался с такой загонной охотой, но услужливая память Узоха подсказала ему; точнее показала коренастых чернокожих людей, пляшущих вокруг добычи.

Свет поспешил первым освободить комиссара. С трудом расправляя толстый хобот слона, он встретился взглядом с Бонго, и был поражен. Столько ненависти плескалось сейчас в глазах комиссара! Словно Свет сейчас не спасал его, а бросал на произвол судьбы. Дальше охотник уже не церемонился. Он буквально зашвырнул тяжеленного негра на край берега, и склонился над комолетчиками. Здесь он действовал гораздо бережней, хотя так же быстро. Разноцветные провода оказались на удивление прочными. За них Свет и вытянул друзей наверх; словно рыбу – которой когда-то здесь было полным-полно. Слабая улыбка обозначилась на его губах – это действительно было похоже на рыбалку.

Свет непроизвольно вспомнил о людях, которых оставил на Белом материке; в их числе были жители рыбацкой деревушки. Дождались ли они весны...

Спрыгнув вниз, он поднял на высокий берег Волка. Для пса провода не понадобились; его бережно подхватили на плечо.

Обратившись к небу, Свет пропел еще несколько слов. Их он тоже не понял, но действие они произвели именно то, которое ждал охотник. Разрушить заклятие оказалось намного быстрее, чем его создать. Земля под охотником ощутимо дрогнула; на дно высохшего русла посыпались камешки – это сразу несколько слонов опустили ноги. Огромные животные словно не заметили, что незримая сила держала их в неподвижности долгие мгновения. Вожак громко затрубил и стадо ринулось туда, куда когда-то давно несла свои воды река.

Люди тоже не испытали никаких неудобств при переходе к подвижному состоянию. Комиссар вскочил первым; остальные не успели. Услышав властный голос охотника, а за ним грозный рык Волка, комолетчики предпочли лежа вслушиваться в шум, волной накатывающий на них. Рядом ворча опустился на землю Бонго.

Наконец крики, леденящие кровь завывания и несмолкаемый грохот барабанов выплеснулся из за поворота, и путники увидели целую толпу низкорослых чернокожих охотников. Все дружно посмотрели на Бонго, словно сравнивая его с людьми, беснующимися внизу. Тот скрипнул зубами. А вот Свету не было никакого дела до комиссара. Он сейчас сравнивал свои впечатления с теми, что наградила его память погибшего чародея. Внизу живой волной несло что было сил бродячее племя тутси. На его родном континенте тоже было племя перекати-поле. Они называли себя парсами и жили торговлей и случайными заработками.

А эти чернокожие дикари были прирожденными охотниками. Их дом был там, где наземь замертво падала добыча. Ну хотя бы тот же слон.

– Хотя, – молодой охотник оценил оружие дикарей, – как они смогут завалить его? Значит, впереди слонов ждет ловушка.

За взрослыми охотниками пробежали женщины и дети; следом едва ковыляли старики. Если племя сегодня добудет слона, эти дряхлые дикари еще проживут. В противном случае многие из них могли не пережить ближайших дней...

Словно в подтверждении его мыслей о засаде впереди раздался громкий рев, полный мучительной боли. В ответ тутси, большая часть которых как раз бежала, пританцовывая, под Светом и его попутчиками, разразилась еще более громкими криками. Их вопли заглушили даже барабаны, которые не переставая задавали ритм травле. А те, что следовали за охотниками, пустились в настоящий пляс. Это был праздник дикой природы, где каждый участник чувствовал себя центром мироздания.

Как не громок был этот радостный шум, Свет расслышал в нем единственный вскрик, заполненный болью. И это был детский крик. Охотник тут же вскочил на ноги, и шум внизу мгновенно прервался. Племя смотрела на странного белокожего незнакомца, а тот протянул руку в их сторону, в то место, где на земле неподвижно лежал темнокожий мальчишка. Казалось, жизнь уже покинула его, уползая между камней серой змейкой.

Раздался еще один громкий крик – горестный и яростный – и на не успевшую скрыться в камнях змею обрушился валун, тяжелый и безжалостный. Широкоплечий негр тут же отбросил камень, и поднял мертвую змею за хвост. Вокруг него уже был образован пустой круг; и сейчас в этот круг ворвалась женщина. Наверное это была мать ребенка, потому что она выхватила малыша из рук негра и запричитала, прижав неподвижное тело к груди.

Рядом со Светом выросла фигура Анюты. Она тронула охотника за рукав:

– Быстрее!

– Что быстрее? – не понял Свет.

– Быстрее туда, – космобиолог протянула руку вниз.

На длинном ремешке свисал анализатор, который – спохватился охотник – мог вылечить все! Он не мог лишь вытащить душу, пересекающую грань смерти, но этот ребенок был еще жив. Кому, как не Свету с его даром было знать это. Поэтому он решительно обхватил девушку за талию. Кондурова не успела испугаться; охотник уже мягко спружинил внизу ногами. Следом и она ощутила подошвами сапожек потрескавшуюся глину речного русла.

Негритянка без слов подала медику ребенка. Впрочем, он остался на руках матери – Анюте хватило его ножки; точнее того места, где вокруг двойного укуса уже наливалась черная шишка. Ее тут же скрыла эластичная повязка. Анна шустро забегала пальцами по кнопкам прибора.

– Все, – откинула она пальцем прядку волос со лба, – будем надеяться что этот парнишка тоже восприимчив к нашим медикаментам.

– Будем надеяться, – буркнул Свет, – прислушиваясь к голосу того самого крепыша, – у местных племен противоядия против песчаной змеи нет. Еще ни один человек не выжил после укуса.

– И откуда ты все знаешь? – немного удивилась Кондурова, вспомнившая, что охотник тоже не местный.

– Знаю, – улыбнулся охотник, не пожелавший раскрывать тайну Узоха, – а еще я знаю немного язык этих людей. И что-то мне в их речах подсказывает, что нас отсюда скоро не отпустят.

– Почему? – это уже вперед сунулся Михаил, нашедший недалеко отсюда пологий спуск.

– Потому что ребенку лучше, – еще шире улыбнулся Свет, показывая на открывшего глаза негритенка, – значит впереди нас ждет праздничный пир.

– Ну и что? – пожал плечами Суриков.

– А то, – показал рукой куда-то далеко Свет, – что пир не кончится, пока не съедят добычу... А добыча сегодня – слон.

Словно в ответ с того направления, куда указывала его рука, донесся еще один мучительный стон. Большая часть негров тут же унеслась туда, а к Свету и космолетчикам подошел вождь племени – им оказался тот самый крепыш. Он, к тому же, был отцом спасенного ребенка. Да – спасенного, потому что малыш уже стоял на своих ногах, не решаясь дотронуться до эластичной повязки на ноге. Анна тут же склонилась над пациентом.

А Свет принялся слушать вождя.

– Ну вот, – рассмеялся он, вольно переводя слова негра, – как я и говорил. Анна Ивановна – вождь дарит вам слона.

– Что же мне с ним делать? – ахнула девушка.

– Не переживай, – подмигнул охотник, показывая на племя, – ребята помогут.

– А слону нельзя помочь? – робко поинтересовалась девушка, – раз уж он мой.

– Ему уже ничто не поможет, – покачал головой Свет.

Он уже покопался в памяти колдуна, и теперь знал, почему так мучительно ревет зверь. Он попал в ловушку, прикрытую длинными листьями – в яму, чьи стены круто сходились вниз; словно в воронке. И сейчас слон своим гигантским весом и яростными попытками выбраться

сам вбивал тушу в эту гигантскую воронку. Может, будь сейчас здесь неведомый пятисотсильный трактор, который так красочно описывался в миникомпе, слона можно было спасти. А так его вытащат вручную – по частям.

Последнего Свет объяснять не стал; он увлек попутчиков вслед за тутси, чтобы принять участие в завершающей части охоты. Больно уж ему не понравилось, как радуются негры стонам серого исполина.

Бонго шел по верху русла. Свет, оглянувшись назад, поразился тому, как преобразился комиссар. Ярость в его груди наверняка никуда не делась. Но сейчас на первый план выступило неумное любопытство и нетерпение, которые выдавали каждое нервное движение. Огромный негр словно спешил навстречу судьбе, и явно ждал от нее многого.

Берега засохшей реки неуклонно сближались, а потом – едва не сомкнувшись – резко разошлись и практически пропали – в этом месте река когда-то широко разливалась. Именно здесь тутси устроили ловушку.

– Понятно, – кивнул Свет, – слоны увидели впереди простор и ринулись, не глядя под ноги. Хоть один, да должен был попасться.

Свет первым оказался у ловушки. Оказалось, в глубине еще был толстый заостренный столб, который должен был сразу прервать мучения исполина. Увы – слон упал так неудачно, что деревянное острие лишь прочертило кровавую полосу на боку слона. Эта рана не добавляла слону оптимизма. Исполин уже едва трубил в свой хобот, но Свет, оценивший рану, понял – его мучения будут долгими и страшными. Потому что все вооружение тутси состояло из тонких дротиков, одно из которых сейчас как раз нацелилось в глаз слону.

– Стой! – повелительно крикнул охотник, и чернокожий мучитель в изумлении отступил. В изумлении, потому что охотник выкрикнул на языке тутси.

Позади него земляне (кроме застывшей на месте с гримасой сострадания на лице Анюты) обсуждали перипетии охоты.

– Странно, – рассуждал Владимир, – что же они не разбежались раньше, дали загнать себя в ловушку. Я бы на месте этой громадины повернул назад и задал бы жару этим ребятам.

Он показал на тутси, весело скачущих вокруг ямы с дротиками в руках.

– Ритм, – ответил вдруг комиссар отрешенным голосом, – звери боятся определенного ритма. Все упорядоченное несет с собой смерть. Природа не повторяется ни в чем, а здесь ритмичное: «Бум... Бум... Бум...»...

Тутси присоединили свои голоса; тут же в дело вступили барабаны. Слон тоже замолчал, уверившись наверное, что сопротивляться бесполезно. Он тяжело дышал, вытянув хобот по всей длине на земле, и даже не вздрогнул, когда Свет запрыгнул ему на спину – со стороны хвоста. Свет вспомнил сейчас еще одну картину из памяти Узоха – как мелкие охотники почти полдня убивали такого слона.

– Нет, – решил он, перебирая ногами по хребту слона, словно по широкой тропе, – если уж вам, ребята, нужен результат, вы получите его прямо сейчас.

Меч сверкнул на солнце, когда руки Света высоко подняли его, и обрушился на шею слона. Меч пронзил шкуру, жилы и кость. Хобот безвольно распластался на земле – больше ни одной команды мозга не поступало в тело. По нему пробежала крупная дрожь, но охотник уже не ощутил ее: он стоял рядом с вождем. А тот с восхищением смотрел на оружие, лишившее жизни исполина, и не испачкавшееся в его крови – настолько молниеносным был удар. Суриков с Мыльниковым кивнули – они тоже отметили великолепный удар.

На спину слона ринулись тутси – уже с ножами в руках. Охотнику было неинтересно смотреть, как негры с азартом кромсают тушу. Он перевел взгляд на комиссара, который стоял недалеко с глубоким удовлетворением на лице. Может, он радовался за тутси, своих мелких копий? А может, он предвкушал обильный ужин, который уже начинали готовить?

Племена очевидно не в первый раз выпадала такая задача, потому что все работали сноровисто, не мешая друг другу. Вот уже длинные куски мяса понесли к костру; другие, нарезанные потоньше, тут же стали развешивать на кустах, приставив вместо – охранником мальчишек. Укушенного змеей, кстати, тоже.

– Бельтонг, – вспомнил вдруг Бонго слово практически забытого языка предков.

И Горо, вождь, согласно кивнул:

– Балтон!

А комиссар словно не поразился такому совпадению, только кивнул собственным мыслям. Он уже заметил, как сильно походит окружающий мир на тот, о котором ему когда-то рассказывал дед.

– Только он еще не испорчен белой цивилизацией, – отметил он, злобно подчеркнув слово «белой».

А чуть в стороне готовили яму для главного блюда пиршества. Здесь работами руководил негр с бесстрастным лицом, резко отличавшимся от физиономий жизнерадостных тутси.

– Не в замке ли Узоха он провел последние годы? – подумал Свет, вспомнив подобные лица адептов черного замка, – впрочем, их там было тысячи, и куда-то же они делись. В свои племена вернулись, наверное. А этот – сюда...

Его больше удивляла быстрота, с которой яма избавлялась от плоти слона. Солнце еще не коснулось краем земли, а последние его части – четыре толстые ноги – уже волокли к яме. Рядом уже бушевал огонь, а двое негров ногами месили глину. Способ готовки был аналогичным тому, что уже применял охотник. Только масштаб были неизмеримо большим.

Догадка Света была верной. Негр – его звали Аронго – действительно два года прислуживал Узоху. И даже кое-чему научился у чародея. А еще – смог припрятать на собственном теле по несколько щепоток снадобий, что применял Повелитель. И сейчас его глаза не случайно задумчиво останавливались на пришельцах. Точнее на одном – том, кто поверг Узоха и его замок. Ученик колдуна подозревал, что вся, или часть колдовской силы перешла к победителю. А раз так – почему бы не попробовать отобрать ее. Разве он – Аронго – не достоин? Разве пришелец не чужой? А с чужим один разговор – дубинкой по голове.

Впрочем, Аронго был достаточно благоразумным; силу и сноровку охотника он оценил. К тому же рядом всегда были его друзья в блестящих одеждах.

– Значит, – решил Аронго, – будем кончать со всеми разом!

Женщины принесли пахучих листьев. Ученик чародея сам и натирал деликатес, и обмазывал слоновьи ноги глиной. Только перенести в яму он позволил остальным. А зачем лишний раз напрягаться, если нужный порошок уже подмешан к мясу. Толстые глиняные колоды бережно опустили в яму и засыпали песком. А уже на него передвинули жаркий костер.

Аронго довольно огляделся, и наткнулся взглядом на черного здоровяка, пришедшего вместе с победителем Узоха. Тот усмехнулся, едва кивнув понимающе головой. Аронго понял – этот незнакомец видел все его тайные манипуляции; более того – одобряет их.

– Ага, – подумал недовольно злоумышленник, – еще один желающий получить наследство Повелителя.

Ну с этим то Аронго надеялся справиться позже. Главное, чтобы он не помешал сейчас. А незнакомец перевел взгляд на попутчиков и недовольно скривился. Аронго не видел сейчас выражения его глаз, но был уверен, что ничего доброго в них сейчас нет.

– Не помешает, – понял он.

Посреди площадки разводили другой костер – большой, праздничный. На взявшихся невесть откуда циновках уже была разложены немудреная снедь, в основном состоящая все из того же несчастного слона, приготовленная самыми различными способами. Главное блюдо томилось под толстым слоем пышащих жаром углей, и Горо – вождь – оглянулся, не послать ли кого из мальчишек за угольком. Но нет, видимо он решил показать свое мастерство и затрещал

кресалом, выгоняя из него в сгустившуюся тьму целые снопы искр. Дрова никак не желали заняться огнем и тогда руку поднял Свет.

А что вы хотите – несмотря на всю тяжесть ответственности, которую он взвалил на свои плечи; несмотря на громкие победы над сильными врагами он оставался двадцатилетним парнем, еще недавно даже не помышлявшем ни о какой цивилизации. Поэтому тонкий жгут огня, вырвавшийся из его указательного пальца на глазах изумленных зрителей, легко можно было объяснить. Толпа в восхищении взвыла; вокруг костра, моментально разогнавшую темноту далеко вокруг, тут же заплясали тутси. Земляне вместе со Светом присели на почетное место – длинную колоду, которую негры приволокли по приказу Горо.

Аронго между тем командовал выемкой готового деликатеса. Он, кстати, был родным братом вождя. Так что к землянам у него был еще один счет – не вылечи сегодня Анюта наследника Горо, до желанного прежде почетного места в кругу соплеменников оставался всего один шаг. Но все сейчас померкло перед другой целью. Наследие Повелителя могло поставить под его руку всех тутси, а там и остальные племена континента.

Столбик спекшейся глины торжественно уложили на небольшом пригорке – так, чтобы гостям была видна вся процедура священнодействия. Танцы, которые до того не останавливались, захватив концентрическими окружностями всю площадь, не надолго прекратились. Веселая песнь, в которой, как объяснил космолетчикам Свет, рассказывалось во всех подробностях о сегодняшней охоте, умолкла с первым стуком камня об эту колоду.

Аронго аккуратно обстучал ее, и перекатил явившееся взглядом блюдо на огромный поднос. Последний представлял собой скрепленные между собой не струганные доски, и служил для подобных целей не первый раз. Но прежде, чем блюдо с чудовищно разбухшей ногой слона поставили перед вождем и гостями племени, на них горячей волной обрушился умопомрачительный запах – Аронго действительно был великим кулинаром. Он тоже присел рядом с землянами и – к неудовольствию вождя – первым отхватил кусок от деликатеса.

Вообще-то это было прерогативой Горо – он уже наметил, какой кусок преподнесет великому охотнику белых людей, а какой – не менее великой целительнице. Сейчас на его лице кроме досады легко читалась еще одна мысль: «Ну что возьмешь с братца? Шлялся неведомо где целых два сезона, нахватался чужих привычек..». А у Аронго была своя цель – показать незнакомцам, что мясо, приготовленное им, можно было есть без всякой опаски. А о том, что перед этим будущий колдун проглотил другой порошок – противоядие – никому знать не обязательно.

И они действительно отдали должное его кулинарному таланту! Огромная нога была быстро разделана на множество кусочков; блюдами теперь выступали огромные кожистые листья, на этот раз свежесобранные. Они опустели так же стремительно. Владимир, отваливаясь от костра с довольным видом, погладил себя по животу и повернулся к Бонго. Комиссар сидел со скучным видом, и рисовал что-то прутиком на песке.

– А ты что не ешь? Вкусно же.

– Нельзя, – выпрямился Бонго, – слон – тотемный зверь моих предков.

Космолетчики с изумлением уставились на Бонго. Такую дремучесть взглядов от современника они не ожидали. Но тот ничего объяснять не захотел; опять принялся что-то чертить на песке. Может он не поднимал взгляда, чтобы охотник не прочел в нем злорадного предвкушения. Рядом недовольно засопел Аронго. Он не предвидел такого поведения огромного собрата. А копьё было так далеко... Впрочем, время еще не пришло – снотворное действовало незаметно, усыпляя людей почти естественно.

Он бросил кусок слоновьей шкуры огромному псу незнакомцев – этот зверь тоже мог доставить немало неприятностей. Волк поймал кусок на лету, и практически мгновенно проглотил его.

По изменившемуся шуму в остальной части становища Свет понял, что с остальными ногами слона тоже покончили. Тутси опять встали в круг. Теперь в центре его стоял вождь. Негромко прошептал первый слог там-там; тут же его подхватили остальные инструменты – и вот рассказ об охоте прозвучал еще раз. Теперь уже на языке танца. Долго; очень долго тутси гнали слона в ловушку. Ненадолго отвлеклись на песчаную змею и появление незнакомцев. Наконец вождь высоко поднял руки – это отважный белый охотник единственным ударом убивал серого исполина.

Довольный Горо плюхнулся рядом с Суриковым, задев рукой гитару – единственное, что прихватил с собой Михаил из «Белки». Гитара была очень старой, на ней играл еще основатель династии, Михаил Тихонович Суриков. А жил он все в том же двадцатом веке. Инструмент жалобно застонал, и на поляне мгновенно установилась тишина. Наделенные исключительной мелодичностью и тонким слухом тутси отреагировали на незнакомый звук. Сотни глаз уставились на командира «Белки», и Суриков понял – концерт придется продолжать ему.

Он взял гитару в руки, ласково погладил ее по лакированному боку, и не задумываясь запел песню, с которой всегда начинал. Это был гимн его семьи, многих поколений лесников:

– Ведь мы лесные жители – лесостроители,

Летом нам в Воронеже тесно.

Вдали от вытрезвителей наши представители,

И нам тайга как крепкое вино...

Он допел до конца, с улыбкой замечая, как собираются, окружая их «стол», тутси.

– Да-а-а..., – протянула Аня, глядя на первую зажегшуюся в небе звезду – когда Суриков замолчал, прижав струны к грифу, – не знаю, что такое вытрезвитель, но я не отказалась бы сейчас оказаться там. Только бы увидеть опять наше небо, Большую медведицу, Полярную звезду...

Суриков усмехнулся; он один в этом мире знал, что такое вытрезвитель, и какие звезды там можно увидеть. Его пальцы опять забегали по струнам, и над чужой пустыней зажигательно разнеслись первые аккорды аргентинского танго. Местные барабанщики тут же подхватили ритм, и тутси снова ринулись в пляс. А потом были и русские романсы, и опять что-то в стиле диско, и... Михаил сам не заметил, как начал засыпать сидя.

А Свет уже встревожился, увидев, как прямо в танце рухнул на землю Горо. И как в отблеске костра вспыхнули торжеством глаза Аронго, вооруженного копьем, и как выпрямился в полный рост Бонго, сжимавший огромные кулаки. Охотник попытался тоже подняться, но ноги не повиновались ему; они первые поддались снадобью. Но руки еще действовали и голова соображала, хотя и казалось, что в нее запихали что-то тяжелое. С трудом вспоминая последнее заклятие, которое он уже сегодня применял, Свет заплетающимся языком пропел волшебные слова, с удовлетворением отмечая, как меняется выражение лиц и Аронго, и комиссара. Еще недавно торжествующие, они вдруг заполнились отчаянием. Бонго тоже рухнул на камни, едва не угодив ногами в костер, а Аронго, потрясая копьем, очень медленно подскочил к охотнику.

Это было последней, и самой большой ошибкой негра в жизни. У Света хватило сил не только для того, чтобы сжать в правой ладони огромную кость слоновьей ноги, но и обрушить ее на курчавую голову Аронго. Обе кости – и человеческая, и слоновья – разлетелись на куски. Негр упал у вытянутых вперед ног охотника, который как раз прошептал последнее слово заклятия...

Глава 7. На просторах Караханы. Продолжение

Горн ходил по замку Гардена с непроницаемым лицом, и это было страшнее, чем если бы он рвал и метал. Великие битвы, низложенные короли, вереницы послушных красавиц – все это откладывалось на неопределенный срок. И бессмертие Тагора тоже. Он ждал этого четыреста лет, и теперь эти кружившие голову планы разлетелись вдребезги. По очень простой причине – единственный человек, который мог поднять в небо стальную птицу, бежал. Бежал, пролежав неподвижно восемь суток.

Как понял теперь Горн, все это время он искусно притворялся. А чародей, упиваясь открывающимися возможностями, и рисуя в голове одну картину торжественней другой, забыл, что сам освободил Анатолия от незримых пут.

А Лазаренко действительно дожидался – не полного исцеления, а теплой погоды. Ведь его еще там, во дворе замка, раздели до исподнего (это было термобелье, никак не годившееся для зимних прогулок), а серебристый костюм унесли в «Стрелку».

Весна стремительно надвигалась на континент. В несколько дней стаял почти весь снег. Жалкие сугробы оставались лишь в самых недоступных солнечным лучам углах. Но и они продержались недолго. На пятый день, после того, как умолк ветер, на землю обрушился благодатный ливень. Он словно смыл остатки зла, привнесенного в эти земли колдуном. Окрестности начали оживать. Неведомо откуда появились птицы. Только вот радоваться их пению в старом замке было некому. Разве что Анатолию, который дожидался темной ночи. Стражников в замке было немного. Ведь Горн, в услужении которого оказались всего-то (какое унижение!) жалкие пять десятков человек, большую часть их отправил по окрестностям – собирать выживших.

Сам Горн спал в покоях погибшего хозяина, беспокойно ворочаясь. Может потому, что в эти минуты на одного подданного у него стало меньше?

Лазаренко прислушался к мерному сопению охранника за дверью и резко распахнул ее. Единственное, что успел сделать стражник, вооруженный копьем и коротким мечом, это широко распахнуть глаза. К его горлу метнулась ладонь, и почти ласковое прикосновение адепта боевых искусств отправило немолодого охранника в долгий сон. Тут – у двери, громко храпевшего – его и обнаружил сменщик. А Анатолий, вооруженный и одетый в непривычную одежду, исчез из замка.

Сменщик даже не стал будить несчастного – сразу побежал к Горну. Тому тоже не нужен был бодрствующий воин. Грубо обшарив мозг несчастного, и не обнаружив никакой полезной информации, чародей приказал:

– Усни... навсегда!

Неподвижное тело дернулось, выгнувшись невыносимой дугой, и снова замерло. А Горн уже не смотрел на него. Он стремительно шагнул в комнату, где его встретила только разобранная постель. Она давно остыла, и «допрашивать» ее было бесполезно. Ее Горн не мог ни допросить, ни наказать. Тогда он велел привести Такамуру. Бледный японец встал перед своим господином. Неизвестно, успел ли он ощутить, как липкие щупальца чужой воли заползли в его мозг. И вспомнил ли он при этом тех несчастных, которых сам подвергал такой страшной пытке.

Чародей грубо ворвался в мозг, разрушая остатки воли и разума Такамуры. Он старался добраться до самых глубин его памяти, отбрасывая никому не нужную шелуху. Он должен был сделать это раньше! Но не наказывать же себя. Только теперь он узнал, что в «Стрелке» находился чудо-прибор, при помощи которого он мог вылечить Анатолия на считанные мгновения; что длинная трубка, свисавшая с поясного ремня Такамуры, является грозным оружием, подвластным его энергии. Наконец он убедился, что никто, кроме беглеца, не сможет поднять

в воздух «Стрелку». Потому что для этого нужны были какие-то коды, и некоторые из них можно было ввести, имея при себе ладони и глаза Лазаренко.

Наконец он взломал последний, самый крепкий бастион памяти маленького японца и прочел древний обряд Человека-без-имени.

– Ну что ж, – усмехнулся он, – пока обойдемся и этим.

Единственное, о чем он жалел сейчас – о бесполезной смерти стражника, который мог принести ему целый год жизни. Впрочем, для этих целей подданных хватало. Да хоть взять того же Такамуру.

Нет, – отказался чародей от мысли немедленно принести японца в жертву, – не хватало еще заразиться от него безумием.

Рассудок Такамуры действительно не выдержал грубого вмешательства. Теперь Горн не был властен над ним. Какие грезы сейчас ворочались в голове бессмысленно улыбавшегося пришельца, не мог сказать никто – даже он сам. Но Горн не пожалел о содеянном. Он вообще не жалел ни о чем в прошлом. Все его мысли стремились только в будущее.

В глубокой задумчивости Горн вышел во двор замка. Внезапно его глаза широко раскрылись в изумлении. Солнце, за несколько дней преобразившее окружающий мир, внезапно померкло. С губ чародея с проклятием слетело имя:

– Тагор...

Старый мастер Дамир и Зохра привыкли встречать рассвет вместе. Нет, спали они в разных кельях, понимая, что время безвозвратно ушло. Но вот так стоять на стене Обители, купаясь в ласковых лучах восходившего светила... – кто им мог запретить? Сегодня они вышли даже раньше, словно предчувствуя что-то невиданное. И оно случилось!

Солнце, едва поднявшееся над горизонтом, вдруг потемнело. Кто-то, или что-то, словно откачивал энергию звезды. Материк опять погрузился в полутьму.

Зохра невольно вцепилась в рукав мастера Дао:

– Мне кажется, что это Свет подает нам знак.

Дамир недоверчиво покачал головой, но спорить не стал:

– Он может...

Столица Рагистана сильно опустела к концу зимы. Но главное – она выжила. Запасы продовольствия в сильном государстве позволили многим дожидаться весны. Только шахиншах у них теперь был другой...

...Разъяренный Нусрат едва дождался стражников, присланных вслед первым преследователям Света. Увы – ни дерзкий незнакомец, ни капитан Фарад с остатками полусотни так и не были обнаружены.

Эту весть шахиншаху принес Журиной.

Они стояли посреди тронного зала – тучный, багроволицый от ярости Нусрат и тощий, весь в черном, начальник тайной стражи. На его лице, как всегда, были приклеены покорность и почтительность. Но загляни сейчас шахиншах в его глаза – он тотчас бы забыл об охотнике и капитане Фараде. Потому что в скрытых веками глазах Журинова полыхало пламя ярости. А вызывать ярость этого господина не рекомендовалось не кому – даже шахиншаху.

– Я обещал отправить тебя на Ристалище, – прошептал Нусрат, брызгая слюной в лицо начальника стражи.

Журиной открыл глаза, и шахиншах попытался отшатнуться – он вдруг испугался еще сильнее, чем рядом с голубоглазым незнакомцем. Но Журиной не дал ему отступить. Холодные костлявые пальцы больно сжали голову Нусрата, а его глаза так и не отпустили взгляд рагистанского властителя. Глаза Нусрата не закрывались, и словно через них истекала к колдуну его жизнь. Противостояние длилось всего несколько мгновений. Несколько самых страшных

мгновений в жизни шахиншаха. Вот он упал на толстый ковер, и корона покатила по толстому ворсу.

Журиной наклонился за ней, и нацепил на голову, слегка поморщившись – на его вытянутом лысом черепе она смотрелась нелепо. Другое дело та, что унес с собой голубоглазый незнакомец.

– Ничего, – подумал он, – и ты, дерзкий, и моя корона вернутся в Шахрихан.

Его слабенькие чары не делали его провидцем. Лучше бы они не сработали и сейчас...

Журиной проснулся рано – как всегда. Он стоял на балконе дворца и наблюдал, как померкло внезапно солнце. Его мало интересовали причины, ввергшие светило в этот катаклизм. Еще меньше – тот, кто смог свершить такое. Главное сейчас было – к Журиной вернуться те крохи колдовской силы, что пропали внезапно несколько дней назад. Точнее – в тот самый день, когда стих ураганный ветер. Его силы были не велики, но и их хватало, чтобы держать в страхе целое государство.

Шахиншах негромко хлопнул в ладоши. Он знал, что прислужники всегда ловят ушами этот сигнал. Поэтому не сомневался, что его приказ тут же разнесут по городу:

– Пусть каждый в Шахрихане узнает – завтра праздник. Чтобы все были на ристалище. Таких боев Рагистан еще не видел...

Командор Булгаков вторую неделю не покидал Курский космодром. В эту минуту что-то заставило его выйти из здания и остановиться на краю огромной площадки.

Солнце, заблеставшее после нескольких дней ненастья так, как и положено в середине лета, вдруг потемнело. Словно внутри его заработал огромный насос, перегоняющий энергию неведомо куда. Неожиданное затмение посреди дня наблюдало вместе с Булгаковым множество людей. На Луне-2 было получено множество отличных снимков катаклизма, ничего, впрочем, не объяснивших. Позже стали поступать еще более невероятные сообщения. Синхронно с Солнцем ненадолго померкли другие звезды. Это стало известно, когда их свет достиг телескопов. Астрономы и простые люди обсуждали это невероятное событие несколько дней. Потом их внимание переключилось на новую сенсацию. Тем более, что звезды снова мерцали в полную силу.

И лишь один человек во всей федерации был уверен, что начало катаклизму дало событие в той части безбрежного космоса, где затерялись его товарищи. Звали этого человека командор Владимир Булгаков...

Первый из Мудрейших ожидал этого визита. Главный Наблюдатель не мог не придти после того, как их родное светило моргнуло вопреки всем законам Бытия. Моргнуло в третий раз за последние три тысячи Кругов. В первые два раза энергия вернулась к звездам. Что принесет искусственный катаклизм на этот раз? Главное – что он принесет их древнему миру, в котором все было predetermined вперед на долгие сотни Кругов?

– Опять там же? – встретил он Главного Наблюдателя вопросом, не вставая с кресла. Хоть в этом он мог сейчас не нарушать Бытия. Этим знаком он освободил Наблюдателя от церемоний. Но тот все таки ненадолго склонил голову, прикрыв огромные фасетчатые глаза, и только потом ответил:

– Да, опять. Две тысячи лет некто Тагор, – начало перечислять существо, больше всего напоминавшее гигантского кузнечика; оно уже в те годы, когда случился первый катаклизм, занимало свой высокий пост, – затем, совсем недавно, Узох. Этот владел энергией звезд совсем недолго. Индексы опасности у них были совсем невеликими – не больше ноль десяти; теперь же человек, имя которому Свет.

– Какой индекс у него? – склонился в кресле вперед Первый из Мудрейших.

– Но, Мудрейший! Очередь на определение индекса как никогда велика...

– Своей властью разрешаю проверить этого Света вне очереди.
– Хорошо, – опять склонился Наблюдатель, – тем более, что...
– Тем более что?! – еще резче, чем в первый раз вскочил с кресла гигантский кузнечик.
– В его руках больше сталенита, чем наберется во всех наших мирах!
– Иди! – теперь уже не разрешил, а повелел Первый из Мудрейших, закрывая огромные глаза.

Он единственный в мирах Древних мог позволить себе чудовищную мысль – природа зло пошутила над этой расой, дав разум насекомым. Ни умом, ни силой эта раса ни в чем не уступала теплокровным, но Первый из Мудрейших не сомневался – увидь кто из тех же землян Древнего в его истинном обличье, он бы расхохотался. И пусть сами Древние считали себя образцом совершенства – с первого мгновения, как очередной из них расправлял крылья, появляясь из кокона – Первый знал: будущее принадлежит другим. Тем, у кого энергия завоевателей сильнее, чем все знания, собранные Мудрейшими из живущих в известном космосе. А если еще в руки им попадет сталенит...

Свет открыл глаза, когда звезды показывали на полночь. Вокруг царил тишина. Ведь даже мельчайшие букашки засыпали, когда попадали в круг, очерченный заклятием колдуна. Он с удивлением, а больше с одобрением глянул на Волка, которого сонные чары настигли, когда его ужасная пасть сомкнулась на запястье комиссара земной полиции. Бонго так и не успел вытащить бластер, машинально схватившись за оружие, которое без энергии Света было совершенно бесполезным.

Охотник сказал первое слово из трех, который должны были нарушить заклятие, но вдруг прервал себя.

– А ведь Горн мог добиться своего, пока я спал, – подумал он.

Теперь Свет не колебался. Шагнув мимо лежащего с разбитым черепом трупа Аронго, он упругим шагом, разгонявшим остатки сна, направился на вершину холма, который явно был за пределами колдовского круга. Хотя бы потому, что при приближении охотника, с куста там взлетела какая-то птица. Чуткий слух охотника отметили грань этого круга. Из ушей словно вынули затычки, и на парня обрушился такой желанный водопад звуков.

Он поднялся на самый верх холма, остановился на небольшой площадке, лишенной кустов, и поднял голову к звездам. Охотник начал четко выговаривать слова длинного заклятия, которые по крупницам собирал Узох. Будь они за пределами мира Света, Повелитель не сумел бы собрать его, и сейчас бы не свершилось в очередной раз великое таинство, называемое немногими посвященными заклятием Тагора.

Последнее слово растворилось в темноте, и поначалу Свет не ощутил ничего. Внезапно он понял, что звезды – все сразу – подмигнули ему, делясь энергией. Понял, несмотря на то, что из волшебного ящичка Мыльникова знал – свет даже от ближайших из них будет идти сюда годы. Разве только родное светило могло сообщить о свершившемся чуде много раньше. От него лучи летели к Карахане всего несколько минут. И Свет не стал жадничать – щедро отдался. Он отрывал от заклятия Тагора по одному слову, катал его во рту, словно прощаясь, и посылал его очередной звезде.

Конечно, всем не хватило! Но главное – теперь даже сам Свет не знал заклятия. А собрать его воедино... было вполне возможно. Для этого нужно было посетить миры вокруг трех десятков звезд. Каких? Этого Свет тоже не знал. Заклятие Тагора еще жило – внутри него; с ним оно окончательно и умрет.

Охотник вернулся на пригорок, где оставил спящих друзей, и вернул всех к жизни – с первыми лучами восходящего солнца. Он и сам немного еще поспал. Волк ворча отпустил руку комиссара, и подбежал к охотнику, повинувшись команде. Впрочем, бежать было совсем недалеко – Свет уже был рядом с Бонго. Он вынул бластер из еще вялой руки огромного негра

и потянул его к себе. Отобрать оружие совсем сразу не получилось. За бластером тянулся короткий шнур, на который сразу же обрушился кулак охотника. Но даже его удивительная сила не могла порвать этот шнур, который, по сути, представлял собой одну длинную толстую молекулу. Но в костюме Бонго что-то хрустнуло, и его едва не бросило обратно на землю. В воздухе закачались обломки крепления бластера.

Измученный Суриков сунулся поближе. Он-то знал, сколь надежной было это крепление. Оно бы выдержало, даже если с его помощью тащили на буксире «Белку» – без всяких колес. Его бровь изогнулись в изумлении еще круче, когда охотник взялся за два конца бластера. Могучие мускулы охотника на предплечьях вздулись так, что казалось – туго натянутая рубашка сейчас лопнет в этом месте. Но вот мышцы расслабились. Михаил не верил собственным глазам – несокрушимый материал земного оружия поддался; его дуло было свернуто набок, превратив бластер в бесполезную игрушку.

– Еврейский пистолет, – опять вспомнил Суриков двадцатый век.

А охотник сунул испорченное оружие в руки комиссару, и отправился к ручейку, который вытекал от родника у подножия холма. Он вернулся очень скоро – потому что единственный из всех здесь проголодался. Для остальных вчерашний ужин словно только что закончился. Охотнику хватило несколько кусков холодного мяса, да глотка свежей воды. Его неуемная энергия требовала немедленно трогаться в путь. И в первую очередь – устроить где-то впереди охоту. Когда еще он сумеет поохотиться на экзотических животных. Пока в списке его трофеев были только две газели, и один слон. Да и тот очень условно. Мысль о том, что была еще одна знатная добыча – колдун Узох – даже не пришла в его голову.

– Пожалуй, пора идти, – обратился Свет к командиру «Белки».

Из того же компьютера он знал, что ресурсы костюмов космолетчиков не безграничны. И если микроклимат внутри них он мог поддерживать энергией шлема, кушать они очень скоро запросят. Идти землянам дальше сытыми или голодными – зависело только от охотничьей удачи Света. Эти знания не помешали ему выпить кружку вкусного напитка, любезно поднесенного Анютой. Туда же – в кружку – сунулся Того, который словно ни капли не был огорчен участью брата. Тело Аронго уже куда-то утащили, и Света совершенно не интересовали подробности погребальной церемонности. Впрочем он знал, что главным в ней будет богатый пир и танцы.

– Что ж, – вздохнул охотник, опять вспоминая слона – теперь им есть чем пировать.

Он сунул кружку с недопитым соком в руки Горо, и с интересом взгляделся в его лицо. Вождь апельсиновым соком был доволен, но ничуть не удивлен.

– Это ранж, – вернул Горо кружку охотнику, – плод деревьев, которые растут там, – он махнул в сторону океана, – раньше, когда тутси были одним могучим племенем, а я был еще мальчишкой, мы ходили туда, и обменивали шкуры на такие плоды.

– А теперь? – не удержался от вопроса охотник: тем более, что именно туда направлялся он со своими спутниками.

– Теперь там новые племена, – вздохнул вождь.

– Они вам враги?

– Они враги всем! Некоторые из них едят пленников!

Свет не очень поверил в последнее утверждение, потому что хорошо знал, как быстро обрастают слухами единичные факты. Хотя на той же Земле, в Африке и других жарких частях света... Он подробно расспросил вождя о дорогах; даже детские воспоминания негра сейчас были очень ценны. Племя проводило их плясками, причем в ритмах земляне с удивлением слышали мелодию аргентинского танго. Свет потрепал по курчавой голове сына вождя и первым отправился в путь. Последним, по сложившейся традиции, в хвост каравана пристроился комиссар. У Бонго мелькнула шальная мысль – не остаться ли ему здесь, у тутти. Но он представил себя во главе танцующего племени и с негодованием отверг такой выбор. Поэтому он

сейчас по прежнему с бессильной яростью смотрел вперед. Теперь его злость распространялась на всех попутчиков.

А космолетчики тоже молчали, как и Свет. Но если охотник еще раз в подробностях вспоминал события минувшей ночи – не оставил ли он какой зацепки чародею – земляне переживали за поступок Бонго. Вернее за попытку поступка. В кого он намеревался направить бластер, ни у кого сомнения не вызывало.

Свет опять шел по пересохшему руслу древней реки, которая здесь, судя по низким берегам, когда-то была намного мельче. Первый же поворот скрыл от путников гостеприимное племя, но грохот там-тамов еще долго провожал их. Бесхитростные дети природы продолжали праздновать.

Охотник остановился не скоро – только тогда, когда услышал как кто-то из землян догоняет его. По звуку шагов и тяжелому дыханию он узнал Мыльников. Владимир был уверен, что увидит сейчас хмурое лицо охотника, но тот встретил бортинженера широкой улыбкой.

– Жарко? – спросил Свет, и без ответа увидевший, как по лицам землян катятся мутные капли пота.

Солнце сегодня словно пыталось возместить ту энергию, что не додало планете, повинуюсь заклятию Тагора. Земляне к тому же не решались снять гермокостюмы, без энергии шлема ставшими душными и неудобными. Они теперь каждое мгновения ждали нападения неведомых противников. Свет понял, что рассказы старого вождя упали на благодатную почву, посеяв в душах космолетчиков невольные опасения.

– Хорошо еще, – подумал Свет, – что я не перевел им ничего про людоедов...

Сам он был на удивление свеж, словно не отмахал без устали только что несколько километров. Мыльников правильно понял улыбку охотник и протянул ему конец длинного провода. Но охотник отстранил его руку.

– Не надо, – сказал он, по прежнему улыбаясь, – обойдемся без него.

Он поднес руку к тому месту, откуда тянулся шнур из костюма Володи и произнес несколько тягучих слов. Эти слова, казалось, всколыхнули воздух, пока не пропали там, где пряталась батарея костюма. Вокруг нее тут же возник сплошной защитный контур, который мешал воздействию заклятия Горна. При желании охотник мог попробовать совсем разрушить это заклятие – над всей планетой. Однако ни опыта, ни осознанного желания для этого у него пока не было. Потому он поочередно перешел к Сурикову, потом к Анюте и, поколебавшись немного, к комиссару. Если бы земляне достали сейчас свои емкие батареи, они бы увидели, что зеленый огонек, показывающий полную зарядку, по прежнему горит на панели. Но они ограничились тем, что поспешили набросить на головы шлемы – теперь жара им была не страшна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.